

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Герман Матвеев

ТАРАНТУЛ

Тарантул

Герман Матвеев

Тарантул

Издательство «Детская литература»

1987

Матвеев Г. И.

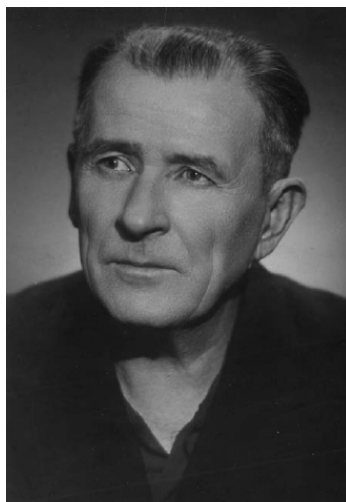
Тарантул / Г. И. Матвеев — Издательство «Детская литература», 1987 — (Тарантул)

Третья книга трилогии «Тарантул». Осенью 1943 года началось общее наступление Красной Армии на всем протяжении советско-германского фронта. Фашисты терпели поражение за поражением и чувствовали, что Ленинград окреп и готовится к решающему сражению. Информация о скором приезде в осажденный город опасного шпиона Тарантула потребовала от советской контрразведки разработки серьезной и рискованной операции, участниками которой стали ребята, знакомые читателям по первым двум повестям трилогии – «Зеленые цепочки» и «Тайная схватка». Для среднего школьного возраста.

© Матвеев Г. И., 1987
© Издательство «Детская
литература», 1987

Содержание

О трилогии «Тарантул»	6
ТАРАНТУЛ	7
1. «РЫБАК»	7
2. ПИСЬМО	12
3. ДОПРОС ПРОДОЛЖАЕТСЯ	18
4. НАЧАЛЬНИК ОБЪЕКТА	22
5. СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ	26
6. ПЛАН ПРИВОДИТСЯ В ДЕЙСТВИЕ	30
7. ЛЕНА ГАВРИЛОВА	36
8. КАРАТЫГИН	39
9. ГОСТЬ	41
10. СТРАННЫЙ РАЗГОВОР	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Г. И. Матвеев.

1904—1961

Герман Иванович Матвеев

Тарантул

© Матвеев Г. И., наследники, 1957

© Кочергин Н. М., наследники, рисунки, 1957

© Третьяков В. Н., рисунки на переплете, 2010

© Оформление серии, предисловие, примечания. ОАО «Издательство «Детская литература», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

О трилогии «Тарантул»

Более полувека прошло с момента написания повестей Г. И. Матвеева «Зеленые цепочки» (1945), «Тайная схватка» (1948) и «Тарантул» (1957), рассказывающих о ленинградских мальчишках, во время Великой Отечественной войны участвовавших в работе контрразведки. Жизнь нашей страны с тех пор сильно изменилась, но из книг того времени мы можем лучше узнать нашу историю. Возможность увидеть осажденный фашистами Ленинград глазами человека, пережившего блокаду, испытать гордость за беспримерный подвиг ленинградцев, которые отстояли свой город, – вот главная ценность этой трилогии.

Действие первой повести «Зеленые цепочки» происходит осенью 1941 года. Вокруг Ленинграда сжимается кольцо блокады. Фашистские захватчики пытаются прорвать оборону и взять город. Во время артиллерийских налетов в ленинградское небо неожиданно взмывают зеленые ракеты, которыми вражеские пособники указывают цели для бомбежек – важные объекты города.

Главный герой, Миша Алексеев, в этих тяжелейших условиях оказался без родителей – отец на фронте, мать погибла во время обстрела, – да еще с маленькой сестренкой на руках. Перед ним возникает суровая необходимость как-то добывать деньги на еду и одежду. От безысходности он решается на кражу и попадает в милицию. Майор государственной безопасности поручает Мише собрать группу надежных ребят, чтобы обнаружить человека, пускающего ракеты. Команде из пяти проверенных друзей удается задержать одного из ракетчиков. Его поимка позволяет выйти на след банды диверсантов. Постепенно, одного за другим чекисты арестовывают всех членов «круга однорукого», захватывают радиопередатчик, оружие, шифры, чемоданы с ракетами и минами замедленного действия.

Действие второй повести «Тайная схватка» происходит через год – осенью 1942 года. Осажденный Ленинград все время подвергается бомбежкам и систематическим обстрелам. Враг продолжает готовиться к штурму города. Но кроме внешней угрозы существует и внутренняя: в городе действует тайная сеть фашистских шпионов и вредителей.

Миша Алексеев стал юнгой на большом торговом судне, с начала войны стоящем на якоре в центре города. И вот новое задание майора госбезопасности Ивана Васильевича. В заброшенном доме случайно находят паспорт и записную книжку с инструкциями по подготовке к штурму Ленинграда, написанную проявляющимися на свету симпатическими чернилами. Мише и его друзьям поручают проследить, кто обратится за находками.

Этот человек выводит чекистов на банду воров, которые помимо краж хлебных и продовольственных карточек помогают фашистам организовывать диверсии. Мишу Алексеева под видом карманника внедряют в эту банду. Все идет по плану, но Миша совершает ошибку, недопустимую для контрразведчика, которая чуть не приводит к срыву всей операции и гибели подростка.

В третьей книге, которую вы сейчас держите в руках, Мишу ждет новое опасное задание Ивана Васильевича, связанное с разоблачением вражеской работы все того же коварного и жестокого Тарантула, которому удалось скрыться в конце второй повести.

ТАРАНТУЛ

1. «РЫБАК»

В холодном воздухе носилась водяная пыль и через шинель, фланелевку*¹ и тельняшку проникала к самому телу. От сырости белье казалось липким. Темень – глаза выколи! Внизу вяло шлепали мелкие волны.

На стоящем впереди катере замаячили красные угольки папирос и послышался смех. Кто-то из команды вышел подышать воздухом.

Но вот опять в стороне Петергофа глухо захлопали пушки, и над головой зашуршали снаряды. В городе вспыхнули красные зарницы, а через минуту докатился треск разрывов. Сейчас же в ответ глухо ахнули батареи Ленинграда и смяли эти звуки.

Сегодня враги стреляли всю ночь. С большими перерывами, ограничиваясь дрямля-трем залпами, настойчиво посылали они снаряды в разные районы города. Как бы солоно им ни приходилось, молчать они не хотели. Ленинград праздновал двадцать шестую годовщину Октября*.

«До чего пакостная у фашистов натура! Как праздник – так обязательно безобразят», – подумал стоявший на вахте Пахомов, прислушиваясь к артиллерийской дуэли.

Он вспомнил, как в прошлом году фашисты отметили юбилей. Авиация гудела над городом всю ночь. Во всех районах повесили на парашютах яркие фонари-ракеты и безнаказанно сбрасывали бомбы. Тогда он не был на вахте, но почти всю ночь простоял на палубе катера. Казалось, что после такой бомбежки от Ленинграда останутся одни развалины...

Стрельба кончилась, и снова установилась тишина.

«Они ведь, наверно, считают, что как только снаряд разорвется, так весь район в бомбоубежище кинется». Он знал, что сейчас во многих квартирах кончались вечеринки, и даже сам имел два приглашения от знакомых девчат. Знал, что первый тост поднимали за победу. Она еще не близка, но уже ярко блестит в московских салютах*.

«А нынче им достается... Это не прошлый год».

¹ Слова и выражения, отмеченные знаком *, объясняются в примечаниях в конце книги, с. 279–286.

Прошла минута, другая, и вдруг послышался скрип уключин. Пахомов насторожился, повернул голову и уставился в темноту.

Катера стояли почти у самого устья реки, где она впадала в залив, а если он услышал скрип уключин, то, значит, лодка находится где-то недалеко, на середине Невки.

На другом берегу, в единственном доме, жила команда военных рыбаков. Они давно прекратили рыбную ловлю, да и вряд ли в такую погоду, в темноте могли отправиться куда-то на лодке. Другой лодки поблизости не было.

«Показалось мне, что ли?»

Напрягая слух, он долго стоял без движения, но никаких звуков больше не доносилось.

«Значит, показалось», – уже твердо решил Пахомов.

Снова началась артиллерийская перестрелка, но на этот раз в стороне Московского района.

Пришла смена.

– Замерз? – хриплым ото сна голосом спросил его лучший друг и земляк Киселев.

– Отсырел, – сказал Пахомов, передавая вахту.

– Иди сушишь.

– Послушай, Саша. С пол часа назад вроде как на лодке кто-то греб. Веслами скрипнул.

– На лодке? – удивился Киселев. – Да ты что! В такую погоду на лодке кататься... ночью!

– Я и сам не понимаю. А только так ясно послышалось.

– Может, на катере что-нибудь?

– Не знаю.

Пахомов спустился в кубрик* и скоро забыл о происшествии, но когда через четыре часа он сменил Киселева, то вспомнил и спросил:

– Ну как, лодку не слышал?

– Какая там лодка! Померещилось тебе.

Незаметно начинался рассвет. Появились неясные очертания пулемета в чехле, стоящего на носу катера. Забелел корпус яхты, вытасченной на берег, и корявое дерево с обломленной вершиной все яснее выступало на фоне посеревшего неба.

Пахомов смотрел на противоположный берег. Ему казалось, что там, чуть пониже их катера, чернеет лодка.

Прошло несколько минут – и уже никаких сомнений не осталось. Лодка стояла на одном месте, и в ней сидел рыбак. Откуда он взялся и как попал сюда ночью? Правда, среди любителей-рыболовов можно встретить людей, одержимых своей страстью, которые ловят рыбу невзирая на погоду и время года.

Пахомов тоже был таким любителем и сразу понял, что рыбак ловит на подпуск, но лодка стоит слишком близко от берега, и это было подозрительно. Он вызвал наверх старшину.

– Товарищ старшина, смотрите! – сказал он, показывая пальцем на берег.

– Что там?

– Рыбак.

– Ну так что? Пускай ловит.

– Ночью приехал.

– Как это – ночью?

– Вечером его не было, а как стало светать, я его и увидел. Ночью слышал, как он уключинами гремел.

– Вот оно что! Сейчас мы это разберем.

Старшина ушел, и скоро, застегивая на ходу шинель, поднялся лейтенант.

– Пахомов, ты уверен, что рыбак приехал ночью? – спросил он.

– Уверен, товарищ лейтенант.

Глухо зарычал мотор. Сбросили конец*, и лейтенант встал у штурвала. Катер плавно развернулся и двинулся к лодке.

Рыбак понял, что катер направляется к нему, и начал торопливо вытаскивать якорь. Лодку подхватило течением и медленно потащило вниз.

– Эй, гражданин! Задержитесь на минуточку! – крикнул в рупор старшина.

– А зачем? Здесь нельзя ловить?

– Ловить можно! Давайте сюда...

Рыбак взялся за весла, но, видимо, раздумывал, что ему делать.

– Не пугай его, старшина, – вполголоса сказал лейтенант, передавая управление матросу.

– Если нельзя, так я уеду! – крикнул рыбак.

– Да вы не бойтесь, мы только документы проверим! – как можно дружелюбней сказал в рупор старшина.

Рыбак решительно взмахнул веслами и развернул лодку носом в берег.

– Это хуже. Может уйти, – проворчал лейтенант и снова встал за штурвал.

Лодка ткнулась в песок. Человек выскочил на берег и, не оглядываясь, быстро зашагал к парку.

– Кто за ним пойдет? – вполголоса спросил лейтенант.

– Разрешите – я! – отозвался Пахомов.

– Давай, Пахомов! Особенно не церемонься.

Катер тихо приближался к берегу. Пахомов понимал, что дорога каждая секунда, и, как только под носом катера зашуршал песок, прыгнул в воду. Уже на бегу он слышал, как лейтенант крикнул: «Полный назад!» – и забурила вода за кормой.

Вытащив пистолет, Пахомов поставил его на предохранитель. Зоркие глаза помогли, и скоро он увидел «рыбака». Тот быстро шагал по аллее. Неожиданно он свернул в сторону и спрятался за ствол громадного дерева. Может быть, он рассчитывал на то, что моряк его еще не заметил и пробежит мимо, а может быть, задумал что-нибудь похуже.

«Не вздумал бы стрелять».

Теперь Пахомов не сомневался, что имеет дело с каким-то негодяем. Бросить лодку и трусливо удирать... Так не поступит человек, у которого совесть чиста.

Делая вид, что он не видел, как мужчина свернул, Пахомов побежал прямо по дороге. Поравнявшись с деревом, он круто повернул, сделал несколько скачков в сторону и оказался рядом с «рыбаком».

– Ты куда побежал? Тебе что было приказано? – еле переводя дыхание, сказал Пахомов, поднимая пистолет.

Не предвидя такого маневра со стороны моряка, тот сильно растерялся.

– Я же ничего... – пробормотал он.

– А ну-ка, давай обратно!

– За что вы меня арестовали? Я рыбу ловил. Никому не мешал.

– Все правильно! Незачем было бегать. Иди!

Мужчина нехотя повернулся и пошел к дороге.

Пахомов шагал сзади, держа наготове пистолет. Сейчас ему удалось захватить «рыбака» врасплох, но, как он будет поступать в дальнейшем, неизвестно. Обыскивать здесь не стоило.

Катер, урча моторами, ждал недалеко от берега.

Подойдя к своей лодке, задержанный остановился.

– Вы хотите документы проверить? – спросил он и, не дождавшись ответа, предложил: – Можно здесь проверить.

– Садитесь в лодку! – приказал Пахомов. – Идите на корму.

Человек покорно прошел на корму, Пахомов сунул пистолет в карман, оттолкнул лодку и сел за весла.

На воде было значительно светлее, и моряк мог разглядеть незнакомца. Длинный прямой нос. Верхняя губа чуть выдавалась над нижней. Заметная небритость и хмурый взгляд из-под нависших бровей. Под брезентовым плащом виднелся серый ватник*. На голове кепка.

Когда лодка приблизилась к катеру, глаза человека тревожно забегали по сторонам и он начал расстегивать пуговицы ватника.

– Ты что? – спросил Пахомов.

– Документы надо приготовить, – угрюмо ответил тот и вытащил из бокового кармана пиджака большой кожаный бумажник.

– Давайте руку, гражданин! – крикнул сверху старшина. – Влезайте!

«Рыбак» встал, повернулся... Все остальное произошло в одну секунду. Пахомов почувствовал, как задержанный сильно качнул лодку и, как бы потеряв равновесие, взмахнул рукой. Бумажник полетел в воду, а мужчина ухватился за борт катера.

«Прячет концы. В бумажнике что-то важное», – подумал моряк и без колебания прыгнул в воду.

В детстве, ныряя в светлой воде, Пахомов без труда находил на значительной глубине монетки, но сейчас, в одежде, в утренних сумерках, найти что-нибудь в холодной и мутной воде было трудно. К счастью, он взял верное направление и под водой оказался на одном уровне с бумажником. Рука сразу наткнулась на него.

Сверху, на катере, не видели, что произошло в лодке.

– Человек за бортом! – крикнул старшина и схватил спасательный круг.

– Не торопись, – остановил его лейтенант.

Пахомов вынырнул за кормой катера и барахтался в воде. Его сносило течением, а в двух метрах от него несло и лодку.

– Держи круг, Пахомов! – крикнул лейтенант.

– Не надо... я сам...

Он подплыл к лодке и уцепился за борт.

– Вот черт! Как это он вывалился! – сказал с облегчением Киселев.

– Старшина, надо ему водки дать да растереть всего! – приказал лейтенант. – Выкупался ради праздничка!

– Он нарочно прыгнул в воду, товарищ лейтенант, – сердито пояснил старшина. – Этот чего-то выбросил, а Пахомов и нырнул.

Лейтенант взглянул на «рыбака», скромно стоявшего около рубки.

– Что вы там выбросили?

– Я не выбросил... я обронил.

Когда Пахомов поднялся на катер и, передав бумажник лейтенанту, ушел переодеваться, задержанного увели в каюту. Катер развернулся и плавно направился на место своей стоянки.

2. ПИСЬМО

Уважаемый Сергей Дмитриевич!

Если бы вы знали, с каким восхищением и гордостью мы следим за титанической борьбой Ленинграда! Каждое самое незначительное и мелкое сообщение о ваших героических делах волнует всех истинных патриотов. О вас, ленинградцах, ходят легенды, и я не сомневаюсь, что эти легенды переживут века и будут передаваться из поколения в поколение. Должен признаться, что я завидую вам и жалею, что оказался в тылу, хотя, само собой разумеется, отдаю все силы и работаю не покладая рук для победы. Приятно будет сознавать потом, что в этой великой войне есть и мои усилия. С радостью сообщаю вам, что наконец добился командировки и надеюсь числа двадцатого лично засвидетельствовать вам мое восхищение и позжать руку. Рассчитываю воспользоваться вашим любезным приглашением и остановлюсь у вас, если, конечно, не стесню. Что касается продуктов, то захвачу с собой, сколько унесу.

Еще раз примите мои самые лучшие пожелания. До скорой встречи.

Ваш почитатель Мальцев

Подполковник государственной безопасности, выстукивая пальцами по столу ритм какой-то мелодии, задумчиво смотрел на лежащее перед ним письмо. Его только что принесли из лаборатории. Самое тщательное исследование ничего интересного не обнаружило. Обычное письмо ленинградцу с Большой земли.

Он еще раз внимательно перечитал его и откинулся на спинку кресла. «Неужели тут сложный шифр?»

Письмо это находилось в числе других документов в бумажнике мужчины, задержанного сегодня утром у Крестовского острова. Предполагалось, что немцы отбуксировали лодку из Петергофа в ночь на седьмое ноября до фарватера*, а дальше он уже сам добрался до устья Невки. Письмо имело какое-то особое значение.

Шестое чувство чекиста подсказывало Ивану Васильевичу, что с приездом этого «почтателя» начинается серьезная операция. Перехватить Мальцева в день приезда, конечно, ничего не стоило, но это не решение. За Мальцевым, несомненно, стоят еще люди, и неизвестно, с какой целью он собрался в Ленинград.

Положение на фронте требовало от советской контрразведки глубокой, четкой и быстрой работы. Фашисты терпели поражение за поражением, и от них можно было ждать чего угодно. Они чувствовали, что Ленинград окреп и готовится к наступлению.

Если у него в руках находится кончик ниточки, надо распутать весь клубок.

Письмо адресовано уважаемому и известному в городе человеку. Сергей Дмитриевич Завьялов – ученый-химик, общественник – работал на оборонном заводе.

Чем больше думал Иван Васильевич, тем загадочнее становилось это простое на первый взгляд письмо. Десятки всевозможных и правдоподобных догадок мелькали в голове, но все они не имели под собой твердой почвы. Он, конечно, не собирался разматывать клубок, сидя за письменным столом, но любил поломать голову над сложной задачей, прежде чем приступить к расследованию. Потом, когда дело распутывалось и все становилось ясным, полезно было проверить ход своих мыслей и догадок.

Иван Васильевич достал лист бумаги, сделал несколько пометок, спрятал его в боковой ящик стола и позвонил по местному телефону.

– Товарищ Бураков?.. У вас там все готово?.. Я сейчас приду.

Затем он набрал городской номер. Через минуту послышался звонкий женский голос.

– Номер слушает.

– Какой номер? Цирковой или эстрадный? – шутливо спросил Иван Васильевич.

– Это говорит дежурная. Вам кого нужно, товарищ? Я не расположена шутить.
– Извините. Я не заметил, что у вас нахмурены брови. Скажите, пожалуйста, когда я могу видеть Сергея Дмитриевича Завьялова?
– В любое время... кроме ночи.
– А точнее? От и до?..
– С восьми утра до десяти вечера. Кто это говорит? Коля?
– Нет, не Коля.
– Ну да! Я сразу вас узнала. Что вы делаете завтра вечером?
Иван Васильевич повесил трубку. «Скучно, бедняжке, дежурить в праздник!» – с усмешкой подумал он.

Положив содержимое бумажника: паспорт, продовольственные карточки, письмо и протокол задержания – в папку, он взглянул на часы и вышел из кабинета.

В комнате следователей кроме ожидавшего помощника сидела стенографистка* и чинила карандаш. При входе подполковника оба встали.

– Здравствуйте, Надежда Аркадьевна. Извините, что пришлось вас потревожить сегодня, – с улыбкой сказал Иван Васильевич, протягивая Руку.

– Ну что вы, Иван Васильевич!

– Признаться, я и сам рассчитывал сегодня отдохнуть, но ничего не поделаешь...

Бураков выжидательно смотрел на начальника.

Иван Васильевич вынул из папки письмо и спрятал его в ящик стола. Остальное разложил на столе.

– Ну что ж, давайте приступим к допросу, – сказал он, обращаясь к помощнику. – Вы начинайте, а я посмотрю, что это за человеке...

Когда Бураков вышел, Иван Васильевич переставил стул в темный угол комнаты. Здесь его не будет видно. Яркий свет лампы, стоявшей на столе, отражался рефлектором* и освещал середину комнаты. Слева, за маленьким столиком, сидела Надежда Аркадьевна.

– Долго мы будем работать? – спросила она.

– Боюсь, что да. Дело срочное. Как Славик поживает?

Даже в тени было видно, как покраснела от удовольствия стенографистка.

– Благодарю вас. Здоров. Переменил профессию. Сейчас решил стать танкистом. Только и занятий, что танки из коробочек строит...

Вошел арестованный. Разговор прекратился.

– Садитесь сюда, – сказал Бураков.

Человек опустился на указанный стул, положил ногу на ногу и сунул руки в карманы. Почти тотчас же он переменял позу: опустил ногу и скрестил руки на груди. Затем снова сунул руки в карманы.

Бураков сел за стол, неторопливо достал портсигар, зажигалку и закурил.

– Как ваша фамилия? – начал он с обычных вопросов.

– Казанков.

– Имя, отчество?

– Александр Семенович.

– Какого года рождения?

– Тысяча девятьсот первого.

– Где родились?

– Под Самарой.

– Точнее?

– Деревня Максимовка.

– Национальность?

– Русский.

Иван Васильевич чувствовал, что Бураков волнуется, но держит себя хорошо и вопросы задает спокойным, ровным голосом. Арестованный отвечал вяло, почти равнодушно. Видимо, он был подготовлен к такому повороту своей судьбы и успел заранее примириться. «Знал, на что идет», – решил подполковник.

- Где вы жили до войны?
- В Ленинграде.
- А как переехали в Ленинград?
- Это долгая история.
- Ничего, у нас времени хватит.
- Приехал учиться и остался совсем.
- Расскажите, пожалуйста, подробнее.

Арестованный начал рассказ о том, как в первые годы революции он приехал в Питер учиться. Раскрывалась биография обыкновенного человека, жившего для того, чтобы жить без особых стремлений, увлечений, идей. Прожил день – и хорошо. В этой жизни были и радости. О них арестованный вспоминал с явным удовольствием, и по всему было видно, что говорил правду. Заминка произошла под конец.

- Где вы работали перед войной?
- Все там же.
- Вас призвали в армию?
- Нет. Я, как говорится, доходягой* был. Списали по активировке*.

Бураков поднял голову и пристально посмотрел на арестованного, но тот сидел опустив голову и не обратил на это никакого внимания.

- А чем вы больны? – спросил Бураков прежним тоном.
- А я точно не знаю.
- Как же это вы не знаете свою болезнь? Что-то не так.
- А так ли, не так, все равно вы не верите! – сказал вдруг с раздражением арестованный.
- Почему не верим? Наоборот, я верю всему, что вы говорите, но хочу уточнить, чтобы поверили и судьи. Если вы считаете, что следователь заинтересован приписать вам поступки, которых вы не совершили, то ошибаетесь. Мы заинтересованы только в одном: узнать правду. Если вы этого тоже хотите, то наши интересы совпадают.

Стенографистка покосилась на Ивана Васильевича и прикрыла рот рукой. Он понял причину улыбки. Бураков даже в интонациях подражал ему, хотя сам и не замечал этого.

- Если вы не хотите говорить, – продолжал серьезно Бураков, – это ваше дело, но тогда остается пробел. Чем его заполнить? Так или иначе, но отвечать вам придется на все вопросы. Насчет болезни мы установим через врачей, и они определят, чем вы больны. Оставим вопрос открытым. Вчера рано утром вас задержали на Невке. Так?

- Да.
- Что вы там делали?
- Рыбу ловил.
- Какую?
- Какая попадется.
- Поймали что-нибудь?
- Не успел. Я только что приехал.
- Почему вы бросили лодку и хотели скрыться?
- Испугался.
- Чего?
- Думал, что не разберутся, арестуют. Время военное.
- Как оказался бумажник в воде?

– Я его достал, чтобы документы предъявить, а как раз в это время лодка качнулась, когда я хотел на катер залезать. Он и выпал.

– Где вы взяли лодку?

– У товарища.

– Как его фамилия?

Арестованный задумался и снова сказал с горечью:

– А что говорить зря. Все равно вы мне не верите.

– Станный вы человек. Я же вам сказал, что верю, но если произошло недоразумение и вас задержали при таких обстоятельствах, надо все выяснить. Как фамилия вашего товарища, который дал вам лодку?

– Не буду я ничего говорить. Вы и товарища посадите.

– За что?

– А за что вы меня посадили?

Допрос затягивался.

Теперь Иван Васильевич разобрался в этом человеке и понял, что в армию Казанков не был призван потому, что сидел в тюрьме. И об этом Казанков проговорился сам. «Доходяга» и «списать по актировке» – типично тюремные выражения. Если он их употребил, то сделал это машинально, и, значит, в тюрьме сидел немало времени. Странно, что Бураков не использовал эту оговорку.

– Сделаем перерыв, – сказал Иван Васильевич, поднимаясь. – Надежда Аркадьевна, вы пока свободны. Сходите в столовую.

– Вы останетесь здесь? – спросил Бураков.

– Да. Я вам позвоню.

Помощник понимал начальника с полуслова и молча вышел за стенографисткой.

Чтобы дать арестованному свыкнуться с его появлением, Иван Васильевич несколько раз прошелся по комнате и сел на место Буракова. Арестованный, смущенный неожиданным вмешательством, оправился и с любопытством разглядывал Ивана Васильевича. Раньше, ослепленный яркой лампой, он его не видел.

– Если вы хотите курить, пожалуйста, – предложил Иван Васильевич, кладя на край стола папиросы и спички.

Арестованный, не разгибаясь, подошел к столу, взял папиросу, прикурил, пятясь, вернулся на место и с наслаждением затянулся.

– Спасибо.

– Вы, конечно, догадались, что я человек не посторонний, – медленно начал Иван Васильевич. – Слушал я ваш допрос и размышлял про себя. Откуда у нас берутся преступники? Ведь человек рождается не преступником. У каждого из них есть хорошее детство, юность, молодость, и каждый хочет себе добра. В чем дело? Вы никогда не задумывались над этим вопросом?

– Нет, – настороженно сказал арестованный.

– Сейчас мы говорим один на один и никакого протокола не ведется. Я вам задал этот вопрос не случайно. Есть русская пословица: «От сумы да от тюрьмы не отрекайся». Она, может быть, в какой-то степени и устарела, но по существу правильная. Бывает такое стечение обстоятельств, которое трудно предвидеть, и человек запутывается. Наш закон это предусматривает и судит строго, но справедливо. Закон дает преступнику возможность искупить свою вину и вернуться в общество. Это зависит от воли и характера... Неужели вам не приходилось думать об этом, когда вы сидели в тюрьме?

– Здесь? – с удивлением спросил арестованный, и этого восклицания Ивану Васильевичу было достаточно, чтобы утвердиться в своем предположении.

– Нет, раньше. Перед войной, – уже уверенно сказал он.

– Откуда вы... Почему вы думаете, что я сидел в тюрьме?

– Да потому, что у меня есть некоторый опыт. Вы, вероятно, считаете себя единственным. Ошибаетесь. Вы не первый и не последний. Нацисты умеют использовать в своих интересах человеческие слабости.

Иван Васильевич говорил, не спуская глаз с лица арестованного. Складка на переносице Казанкова постепенно углублялась, он делал глубокие затажки, а значит, слушал внимательно и думал.

– До войны у вас была растрата*, что ли? – спросил подполковник.

– Да. Было такое дело... Проворовался.

– Ну а кто виноват в том, что вы проворовались?

– Никто... Сам виноват.

– А если виноваты, то надо и отвечать... Вы пришли в эту комнату с намерением молчать. Думаю, что вы даже примирились со смертью. Так?

Арестованный поднял глаза и неожиданно спросил:

– Что я должен сделать, чтобы мне сохранили жизнь?

– Не будем торговаться, – строго сказал Иван Васильевич, – у вас два пути. Продолжать заперяться и этим поставить себя в ряды самых презренных преступников.

Второй путь – правда.

Чистосердечным признанием и полной правдой вы искупите часть своей вины. Суд это примет во внимание.

– Хорошо. Я признаюсь! – твердо сказал арестованный. Он хлопнул себя по коленкам и встал, но тотчас же спохватился и, чтобы замаскировать невольный жест, попросил: – Разрешите еще закурить?

– Курите.

Дрожащими пальцами он взял папиросу и сломал две спички, пока закуривал. Иван Васильевич взглянул на часы.

– Хотите есть?

– Не до еды сейчас.

– Почему? Перерыв кончится, и будем продолжать допрос. Придется сидеть всю ночь.

– Ну ладно. Если можно, поем.

Иван Васильевич снял трубку телефона.

– Перерыв можно кончать. Стенографистку на место. Казанкову пришлите поесть.

Когда Бураков и стенографистка вернулись, Иван Васильевич сидел откинувшись на стуле, а пальцами постукивал по столу. Глаза его весело блеснули. Бураков знал, что начальник обожает музыку и в минуты приподнятого настроения в голове у него всегда какая-нибудь мелодия.

Арестованный сидел сгорбившись, опустив голову на грудь, и даже не поднял ее при их приходе.

3. ДОПРОС ПРОДОЛЖАЕТСЯ

– При каких обстоятельствах освободили вас из тюрьмы и что вы делали при немцах, расскажете позднее, – начал Иван Васильевич, когда арестованный поел. – Сейчас меня интересует задача, с которой вы приехали в Ленинград.

– В Ленинград меня послали потому, что я здесь жил до войны, – сказал Казанков, глядя прямо в глаза следователя.

– У вас есть родные?

– Здесь живет жена. Хотя я, конечно, не уверен. Может, она уехала или с голоду умерла.

– Что знали немцы о вашей жене и знакомых?

– Они меня спрашивали подробно обо всех.

– Вы им назвали фамилии и адреса?

– Да. Некоторых назвал.

– Кого именно?

Арестованный сообщил несколько адресов и фамилий.

– У вас есть дети? – продолжал Иван Васильевич.

– Нет.

– Люди, о которых вы говорили там, ваши друзья или просто знакомые, сослуживцы?

– Друзьями я не могу считать их. Гуляли вместе, когда деньги были, а когда под суд попал, отшатнулись.

– Больше вы никого не называли там?

– Нет.

– Говорите дальше. Зачем вас послали сюда?

– Послали меня с письмом. Я должен был разыскать одного специалиста, Завьялова Сергея Дмитриевича, проверить, где он живет и где работает, а потом передать письмо. Будто мой родственник привез его из Москвы.

– Дальше?

– Потом надо было сходить в аптеку на Невский, спросить там провизора*, по фамилии Шарковский, и сказать ему так: «Григорий Петрович заболел и просил шесть порошков аспирина». На порошках он напишет или отзовет в сторону и скажет, когда и где с ним можно встретиться. Потом я должен ему сказать, что Григорий Петрович зайдет двадцатого ноября, если выздоровеет, и рассказать про письмо... которое привез.

– Что именно рассказать про письмо?

– Ну, как у меня все получилось... Нашел ли я Завьялова, передал ли письмо, живет ли он по старому адресу.

– Все это можно рассказывать своими словами?

– Да.

– Дальше?

– Потом я могу делать что хочу. Искать жену, знакомых... Велели найти всех, кого могу, и восстановить старую дружбу. Денег дали, чтобы угощать.

– Как вы должны были объяснить свое появление в Ленинграде вашим знакомым и жене?

– Объяснить так, что, дескать, выпустили раньше срока из тюрьмы ввиду войны.

– Значит, предполагалось, что вы приехали с Большой земли?

– Почему с Большой земли? – не понял Казанков.

– Ленинградцы так называют всю страну, – пояснил Иван Васильевич.

– Да, да. Мне говорили, – вспомнил арестованный. – Правильно. Нужно было сказать, что я вернулся из Сибири. Будто бы туда меня эвакуировали при наступлении немцев.

– Почему вы выбросили бумажник?

– Мне велели уничтожить письмо, если что-нибудь случится. А письмо я не успел вынуть. Моряк меня захватил врасплох.

Казанков отвечал охотно и даже несколько торопливо, видимо боясь, что его могут заподозрить в неискренности. Иван Васильевич не спускал с него глаз, и малейшее изменение в выражении лица не ускользнуло бы от его внимания. Без сомнения, он говорил правду.

– Что вам сообщили про Завьялова?

– Ничего особенного. Просто приказали передать ему письмо... Разрешите еще закурить?

– Курите.

Пока арестованный закуривал, Иван Васильевич делал пометки на листе бумаги. Бураков сидел, сжав губы, стараясь не пропустить ни одного слова. Стенографистка, записывавшая показания, подняла голову и с любопытством разглядывала арестованного.

– Я попрошу вас повторить слово в слово ту фразу, которую вы должны были сказать при явке в аптеку, – продолжал Иван Васильевич.

Арестованный повторил.

– Ее нельзя перефразировать или переставить слова по-другому?

– Нет. Заставили выучить наизусть и несколько раз спрашивали. Это как пароль.

– Так. А все остальное можно говорить своими словами?

– Да. Он уже будет знать, что «свой».

– Дальше. Что вы должны делать после того, как разыщете знакомых?

– После двадцатого числа нужно было прийти опять в аптеку и спросить: какие сведения есть от Григория Петровича? Не заходил ли он к нему?

– К кому?

– К этому... к Шарковскому. Тогда он скажет, где искать или ждать Григория Петровича.

– Дальше.

– Все. Остальное будет приказывать Григорий Петрович. Я должен быть в его подчинении.

Иван Васильевич снова сделал несколько пометок.

– Теперь скажите, кто такой Григорий Петрович? Вы его знаете?

– Видел два раза. Очень серьезный человек.

– Как его фамилия?

– Мальцев.

– А еще как?

– Больше мне ничего про него не говорили. Правда, один раз, когда он проходил по коридору, так мне шепнули: «Тарантул».

– Кто шепнул?

– Один из наших полицейских.

Иван Васильевич переглянулся с помощником, и тот понял начальника.

– Разрешите сейчас сходить? – спросил он вполголоса, наклоняясь к нему.

– Да. Там есть отдельный пакет...

– Принести фотографию?

Иван Васильевич кивнул, и Бураков ушел в архив разыскивать нужный документ.

– Какой он из себя, этот Мальцев?

– Невысокого роста, широкоплечий. Лицо бритое, немолодой. Одет...

– Каких-нибудь особых примет не заметили? – перебил его Иван Васильевич.

– Нет. Ничего такого...

– Кроме Шарковского, вам не давали других адресов?

– Нет.

– Ну а если, предположим, Шарковский арестован или убит снарядом?

– Тогда приказано двадцатого с утра дежурить где-нибудь поблизости, ловить Григория Петровича и предупредить его.

– А если он не приедет?

– Три дня приказано ждать по утрам.

– На чем должен приехать Мальцев? Тоже через залив?

– Нет. Точно я не знаю, но полагаю, что его сбросят на самолете.

– В каком месте?

– Не могу знать, но, наверно, не под Ленинградом. В Ленинград он должен приехать законно.

– Почему вы так думаете?

– Да видите ли... Как-то в прошлом году был у меня разговор с одним полицаем. Раньше, до суда, мы с ним вместе сидели в камере и познакомились. Говорили мы про партизан. Боялись, конечно... Нам от партизан доставалось крепко. Вот он мне и рассказал, что партизаны через линию фронта на самолетах получают боеприпасы... И людей им скидывают на парашютах. Потом и про фашистов рассказал. Немцы, говорит, тоже в советский тыл своих забрасывают. «Пятую колонну»*. Говорил, что есть где-то такое место, куда по ночам самолеты с людьми летают, а назад пустыми возвращаются.

– А где это место?

– Этого он не знал. Ему, видите ли, пришлось некоторое время на аэродроме работать, так он приметил.

– Кто кроме вас должен быть еще заброшен в Ленинград?

– Должны приехать, но только после двадцатого, когда Григорий Петрович сигнал даст.

– Расскажите об этом точнее.

– Точнее не могу. Я только догадываюсь, потому что опрашивали многих, кто раньше в Ленинграде бывал. Ну они и проболтались в разговоре между собой. А вообще это всё под секретом держат. У них просто. Чуть заподозрили, пуля в затылок – и весь разговор. Они с нашим братом не очень миндальничают.

– О чем вы говорили с Мальцевым?

– Знакомились. Он меня спрашивал про жизнь, про семью, про суд... Человек он серьезный и обстоятельный. Глаза острые. Кажется, всего насквозь видит.

– Он русский?

– Вот не могу сказать. Говорит чисто, не отличишь. Наверно, русский.

– Все, что вы говорите, правда?

– Все правда. Какой мне смысл сейчас врать?

– Курите, не стесняйтесь, – предложил Иван Васильевич и прошелся по комнате. – Я верю вам, но, конечно, все, что вы сказали, придется проверить.

– Пожалуйста, проверяйте.

– Сколько денег вы получили?

– Тридцать тысяч.

– Они фальшивые?

– Кто их знает... Полагаю, что фальшивые. Уж очень все новые.

Вернулся Бураков и передал начальнику две фотографии. На одной из них Жора Брюнет был снят с отцом, на другой только отец, но в молодых годах, в студенческой форме. Ровно год пролежали фотографии в архиве советской разведки и вот пригодились.

Иван Васильевич передал фотографию арестованному.

– Этого человека вы не встречали там?

Нахмутив брови, Казанков уставился на карточку. Поднес ее к свету. Брови его удивленно поднялись.

– Так это же он... Григорий Петрович. Только помоложе. А мальчика не знаю.

– Вы уверены, что на фотографии снят Тарантул?

– Насчет Тарантула не уверен, потому что слышал случайно, а насчет Мальцева Григория Петровича уверен. Это он и есть.

Иван Васильевич взял фото и положил в папку.

– Что вам говорил Мальцев про Завьялова? Вспомните хорошенько.

Казанков подумал, потер рукой лоб.

– Ничего такого... Только чтобы письмо передать.

– Не говорил он вам, что это человек «свой», надежный... или что-нибудь в этом роде?

– Наоборот. Он сказал, чтобы я с Завьяловым вообще ни о чем не распространялся. Если дома его не застану, то это даже лучше. Если домработница есть или дети дома, то письмо отдать им, а самому лучше не показываться старику. Главное, нужно узнать, живет ли он на своей квартире или где в другом месте, и туда передать письмо.

Иван Васильевич посмотрел на часы и встал.

– Так. Я должен уйти. Завтра вызову еще раз. А сейчас допрос будет продолжать мой помощник. Начинайте с начала.

Он собрал записки, кивнул стенографистке и ушел в свой кабинет. Здесь он первым делом позвонил по телефону и доложил:

– Арестованный сознался и дал ценные показания. Мы опять встречаемся с Тарантулом... Да. Дело с аммиаком. Казанков узнал его на фотографии. Завтра утром собираюсь к Завьялову, а уж потом разрешите доложить подробно план... Нет. Думаю, что Завьялов ни при чем... Выводов еще никаких.

4. НАЧАЛЬНИК ОБЪЕКТА

В утренние часы, когда рассвет еще только приближался, Ленинград был оживленнее и люднее, чем во все остальные часы дня. Люди торопились на работу. Трамвайные остановки перенесены. Гитлеровцы пристрелялись к ним и часто начинали свои бессмысленные обстрелы в эти часы.

– Живешь, а смерть за тобой по пятам ходит, – пробормотала какая-то женщина на остановке, прислушиваясь к далекой артиллерийской канонаде.

Недалеко раздался звонок, и трамвай вынырнул из темноты. Через единственное стекло около кондуктора, при свете синих лампочек, была видна внутренность вагона. Остальные окна забиты фанерой.

Иван Васильевич вошел в вагон. Он собрался ехать на завод, но по дороге передумал и решил сначала побывать на квартире у Завьялова, адрес которого стоял на конверте. «Может быть, застану дома», – подумал он. Кроме того, в голове созрел интересный план операции, и нужно было самому выяснить возможности его осуществления.

Несмотря на темноту, трамвай бойко бежал, и вожатый только изредка позвякивал на перекрестках, которые угадывал по каким-то ему известным приметам. Синие лампочки над воротами домов, карманные электрические фонарики, приспособленные для регулировщиков, изредка узкие полосы света в фарах встречных автомобилей – это все, что видел вожатый. Остальное – чернота, словно они ехали в туннеле. Удивительнее всего было то, что несчастных случаев, столкновений в эти темные часы было меньше, чем в другое время. Пешеходы на себе испытывали неудобства затемнения и были осторожны.

Иван Васильевич смотрел на пассажиров и думал, что вчера он встречал нарядных женщин, у мужчин были надеты галстуки, а сегодня снова все в ватниках, в старых пальто, на головах простые шапки, платки. Праздник кончился, и вновь начиналась напряженная работа. Некоторые спали, положив головы на плечи соседей, и те не протестовали.

У Сампсониевского моста Иван Васильевич сошел и зашагал по набережной. Где-то здесь недалеко жил Завьялов. Он скоро разыскал дом, вошел под арку ворот и, споткнувшись, остановился. Двор оказался заваленным кирпичом, балками. Было ясно, что сюда упала бомба. Сбоку показался силуэт женщины. Она медленно пробиралась через кучи мусора.

– Скажите, гражданка, здесь кто-нибудь живет?

– В том флигеле живут. А вам кого нужно?

– Где у вас тут управхоз*?

– А управхоз во втором дворе. Вот здесь есть тропочка. Идите сюда.

Женщина обстоятельно рассказала, как найти газоубежище, где разместился объект МПВО* после попадания бомбы. Управхоз был начальником объекта. Там же помещалась и контора жакта*. Женщина объясняла так подробно, словно они встретились в дремучем лесу и Ивану Васильевичу предстояло идти по звериным тропам много километров.

Второй двор был заполнен поленницами дров, покрытых сверху старым железом. У входа в жакт горела синяя лампочка, о которой женщина забыла сказать.

В газоубежище, куда спустился Иван Васильевич, было жарко, светло и даже уютно. Столы покрыты белыми простынями, стены побелены. Висели портреты, лозунги. Начальник объекта составляла какие-то ведомости. Это оказалась крупная, полная женщина с мужскими энергичными чертами лица, с грубым голосом.

– Вам чего, гражданин? – спросила она, не глядя на пришедшего.

– Вы управхоз? Мне нужно с вами поговорить.

– Говорите.

– Нас никто не слышит?

При этих словах женщина повернулась всем корпусом и оглядела Ивана Васильевича с ног до головы. Перед ней стоял пожилой мужчина в штатском пальто и военной фуражке без звезды, в сапогах. Опытный глаз управхоза сразу определил, что перед ней офицер, вернувшийся с фронта или выписавшийся из госпиталя. Пытливые глаза человека пристально смотрели на нее и, казалось, видели больше того, чем ей хотелось.

– Кто вы такой?

Посетитель передал свой документ и сел на табуретку у стола.

– Говорите смело, товарищ. Нас никто не слышит, – сказала она, возвращая документ.

Иван Васильевич не торопился. Он достал портсигар и угостил управхоза. Она взяла папиросу, нагнулась к «буржуйке»*, вытащила уголек, прикурила и, продолжая держать красный уголек все теми же пальцами, протянула его Ивану Васильевичу:

– Прикуривайте, товарищ.

– Вы же пальцы сожжете!

– Ничего не будет. У меня на руках подошва.

Минуту молчали. Иван Васильевич смотрел на нее и думал, что, наверное, эта женщина физически очень сильная, а судя по манере держаться, независимая и деловая. Задуманный план требовал сотрудничества управхоза, и нужно было определить, в какой мере можно доверять ей тайну.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Мария Андреевна.

– Вы давно работаете управхозом?

– С финской войны.

– Семья ваша здесь?

– Муж на фронте убит, под Ленинградом, сын воюет, а две дочери в госпитале работают.

– Вы член партии?

– Беспартийная.

Иван Васильевич положил окурок в пепельницу и медленно спросил:

– Пока что меня интересует следующее: в вашем доме много жильцов?

– По сравнению с прежним – десять процентов. В голодную зиму перемерли, выехали, разбомбило.

– Новых вам не вселяли?

– Есть. Из Московского района переселены.

– Жилые квартиры только на этой стороне?

– Нет. Есть и на той. Дом разрушен слева, а правая сторона в целости. Там кое-где живут.

В это время вошла низенькая женщина в мужском романовском полушубке*, с красным обветренным лицом.

– Ну что?

– Марья Андреевна, она говорит, что лопаты не выписывают. Рано еще. Когда снег пойдет, говорит, тогда и выпишем.

– А ты что молчала? – грозно спросила управхоз. – Они знают, когда снег пойдет? Снег по ихнему плану, что ли, пойдет? Иди снова и без лопат не приходи. Скажи этой фитиольке, что, если я сама спижирую на нее, худо будет. Чертова бюрократка! А потом мы же виноваты будем... Тебе же сгрести придется. Понятно? Руками будешь скоблить мостовую. Я не позволю, чтоб на моем участке нынче снег лежал. Понятно? Обязана выписать!

– Она говорит, что лопат хватит, а только нарядов еще не выписывают...

– Должна выписать, если требование есть. Скажи ей, что, если сегодня не выпишет, завтра в «Ленинградской правде» ее продернут. Сама фельетон напишу, если на то пошло. Иди, не разговаривай!

Женщина потопталась на месте и ушла. Начальник объекта повернулась к Ивану Васильевичу и, как ни в чем не бывало, сказала совершенно другим тоном:

- Я слушаю вас, товарищ.
- В седьмой квартире у вас живет Завьялов?
- Нет. Сергей Дмитриевич там не живет. Квартира пустая.
- Почему?
- Взрывной волной сильно тряхнуло. Все стекла вылетели, штукатурка осыпалась.
- А другие квартиры в округности?
- Вверху живут. Напротив живут. Внизу пустая.
- Почему же квартиру не ремонтируют?
- После войны, говорит, отремонтирую. А то опять снаряд залепит. Многие так делают. Одну, две комнаты сохраняют, топят, и ладно... Не знаю, что с водопроводом делать. Заморозят.
- А ремонт в квартире сложный?
- Да как вам сказать... Недели на две, если по-настоящему.
- Он платит за квартиру?
- А то как же. Человек аккуратный.
- Квартира закрыта?
- Закрыта. Ключи у меня. Мы там водопровод чинили.
- А кто живет напротив?
- Там временные. Две женщины переселены из Московского района.
- Значит, квартира занята?
- Одна комната свободна. Если вам квартира нужна, так у меня хороших сколько угодно.
- Нет. Дело не в этом. Пойдемте посмотрим квартиру Завьялова.
- Можно.

Управхоз достала из шкафа ключи, и они вышли во двор. На улице было уже сравнительно светло, и стало видно, какое разрушение нанесла бомба. Левая половина дома рухнула и завалила обломками весь двор. Стена, примыкавшая к соседнему дому, устояла. Местами на разной высоте к ней прилепились печки. Квадраты комнат были расцвечены обоями, крас-

кой и создавали впечатление театральной декорации – дома в разрезе. Правая половина дома уцелела. Вид окон, забитых светлой фанерой, с черневшими форточками, отлетевшая штукатурка действовали угнетающе. Казалось, что дом нежилой, холодный и может в любую минуту обвалиться.

– Много народу погибло? – спросил Иван Васильевич, оглядываясь.

– Не очень. Бомба упала днем, все на работе были. Теперь в Ленинграде бездельников мало...

Они поднялись на площадку третьего этажа и остановились перед дверью, которая была обита черной клеенкой.

5. СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

Лаборатория помещалась недалеко от конторы. Директор завода приоткрыл низенькие широкие ворота и жестом пригласил спутника войти. По середине длинного коридора были проложены рельсы узкоколейки, по сторонам – много дверей.

– Живет он здесь, – пояснил директор, останавливаясь против одной из дверей, и постучал.

– Войдите! – послышался молодой голос.

Большая комната, бывшая кладовая, имела сейчас вполне приличный и жилой вид. Удобная мебель, письменный стол, кровати, книжные шкафы, картины. В маленькой плите, наскоро сложенной из кирпича, уютно потрескивали дрова, а в кастрюльках что-то варилось. Стены побелены, и только железные решетки на окнах выдавали прежнее назначение комнаты. За письменным столом сидел юноша в матросской тельняшке и что-то чертил.

– Коля, а где Сергей Дмитриевич? – спросил директор.

Юноша встал и, сконфуженно улыбаясь, быстро надел морской китель*.

– Папа в лаборатории.

– С сестрой?

– Да. Они с утра чего-то стряпают.

– Это сын Сергея Дмитриевича, – познакомил директор своего спутника с юношей. – Моряк. В недалеком будущем капитан дальнего плавания.

– Очень рад. Люблю моряков. Сколько же вам лет? – спросил Иван Васильевич.

– Восемнадцатый.

– Вы учитесь?

– Да. В учебном комбинате Балтфлота.

– А вы, случайно, не знаете Мишу Алексева?

– Знаю. Но мы по разным специальностям. Он на механическом, а я на судоводительском.

– Хороший парень, правда?

– Вообще да, – согласился Коля. – Серьезный. Но я мало его знаю.

В лаборатории стоял туман с удушливо-кислым запахом, от которого першило в горле. Химик возился около электропечи, а на полу сидела дочь и что-то растирала в фарфоровой чашке.

– Папа, имей в виду, если она опять рванет, ты спалишь себе глаза, – предупредила девочка.

– Ни в коем случае. Абсолютно уверен. На сто пять процентов уверен, – говорил ученый, просовывая щипцами в печь маленькую посуду.

Иван Васильевич внимательно следил за работой химика. Это был высокий сухой старик в больших роговых очках. Седые волосы на голове открывали широкий лоб, а узкая борода удлиняла лицо, и оно было похоже на неправильный треугольник. Старик был в одной рубашке с засученными рукавами выше локтя. Заметив вошедших, он спустил очки на кончик носа и взглянул поверх них.

– А-а, Валерий Кузьмич! Извините, я вас не заметил.

– Здравствуйте, Сергей Дмитриевич. Я еще не видел сегодня вас. Знакомьтесь. Это товарищ из Ленсовета*, к вам по делу.

– Очень приятно. Очень, очень, – приветливо сказал ученый и крепко пожал руку Ивана Васильевича.

– Как успехи? – спросил директор.

– Нашел, Валерий Кузьмич. Нашел заменитель, но только сильно детонирующий. Что-то надо делать. Да. Надо делать, делать... Вот поставил еще пробу. Это уже триста тридцать пятая.

– Значит, можно считать...

– Нет, нет, подождите считать, – перебил его Завьялов. – Этот считать нельзя. Никак нельзя. Саперы на фронте народ аховый*... Сами могут подрваться. Не могу на свою совесть такую ответственность взять. Да, не могу.

– Ну что ж... Время терпит. Подождем.

– Да, да. Вы лучше подождите, а я потороплюсь.

– Папа, долго еще мешать? – спросила девочка.

– Мешай, Аля. Чем больше, тем лучше.

– Мы, кажется, не вовремя пришли? – спросил Иван Васильевич. – Вы заняты?

– Наоборот. Очень вовремя. Очень, очень. Пойдемте ко мне, а то здесь воздух такой... с непривычки трудноато дышать. Но должен вас предупредить, что весьма полезно... Сильно очищает легкие. Да, да. Очень сильно. Прошу вас. Я здесь и проживаю...

Они вышли в коридор.

– Сергей Дмитриевич, я вас оставляю. Вы поговорите с Иваном Васильевичем. Меня в конторе ждут.

– Пожалуйста, пожалуйста. Ничего не имею против. Проходите, Иван Васильевич. Очень рад видеть у себя гостя, – говорил ученый, входя в комнату. – Ну-ка, Колюша, устрой нам по стакану чайку.

– Мне некогда, папа. Скажи Але.

– А ты уходишь?

– Да.

– Ну, тогда я сам. Вот видите, Иван Васильевич, дети взрослые, спорить бесполезно. Когда росли, думал, на старости помощники будут, – говорил добродушно химик. – А выходит все наоборот. Да, да. Наоборот. Этот в моряки, а дочь в консерваторию метит. Что с ними делать! В химии, говорят, романтики нет. Сухая наука.

С этими словами Завьялов налил два стакана крепкого чая и поставил на стол. Коля надел шинель, взял полевую сумку с учебниками и направился к выходу.

– Я пошел, папа! Приду поздно, – сказал он, закрывая дверь.

– Прошу вас за компанию. Вот сахар, конфеты. А может быть, вы есть хотите? – спохватился старик.

– Нет. Спасибо, Сергей Дмитриевич, я сыт.

– А вы не стесняйтесь. В такое время живем. А? Каши хотите? Овсяная каша. Великолепная вещь, я вам скажу! В мирное время мы ее недооценивали. Положить? А?

– Нет, нет. Стакан чаю выпью с удовольствием.

– Ну, как желаете. А то бы съели? А?

Иван Васильевич решительно отказался и, пользуясь тем, что они остались вдвоем, приступил к разговору.

– Сергей Дмитриевич, знаете, где я сейчас был? На вашей квартире.

– Да что вы говорите! Ну и как? Опять бомба или снаряд?

– Нет. Я думаю, что отремонтировать ее надо.

– Надо, надо... – вздохнул ученый. – Да ведь как сейчас отремонтировать? Рабочих нет, материала нет. А кроме того, боюсь я, что они опять залепят какую-нибудь неприятность. Такой дом у нас хороший! Обидно.

– Вот я главным образом к вам за этим и пришел. Мы решили вам отремонтировать квартиру. Вы много делаете для войны, много работаете...

– Что вы, что вы, Иван Васильевич! Мало делаю. Надо больше, да сил нет. Хочешь не хочешь, а, к сожалению, спать приходится ежедневно... Столько времени зря пропадает! И сон у меня, знаете ли, паршивый. Стыдно сознаться. Как закрою глаза, так и аминь. Обяза-

тельно кто-нибудь разбудить должен, – с огорчением признался химик. – Сам не понимаю, как я научился так крепко спать.

– Это хорошо, – с улыбкой сказал Иван Васильевич. – У меня наоборот. Сонные порошки иногда принимаю. Так вы не возражаете, Сергей Дмитриевич? Ремонт мы сделаем в самое ближайшее время.

– Конечно, я рад. Очень рад... Но, может быть, не следует сейчас людей отрывать на такие пустяки? Я здесь обжился, привык.

Ивану Васильевичу нравился Завьялов. В каждой фразе его было много искренней, почти детской непосредственности. Такой человек не мог быть двуличным. Однако письмо Тарантула было адресовано ему и требовало особой осторожности. Поговорив о ремонте и получив согласие Завьялова, подполковник попросил ключ от квартиры.

– Ключ? – переспросил химик. – Одну минутку. Где же у нас ключи? Ах да! Свой ключ я отдал Марии Андреевне. Это наш управхоз и начальник обороны дома. Великолепная женщина! Превосходная! Я напишу ей записку, а вы... если это не затруднит вас, возьмите у нее ключ. Она вам все покажет и расскажет.

– Так уж мы тогда будем хозяйничать в вашей квартире по своему усмотрению, Сергей Дмитриевич. Доверяете?

– Пожалуйста, пожалуйста. Кроме мусора, там ничего и нет. Книги я перевез... Все, что нужно было, тоже здесь. Я бы сам помог, но времени у меня мало.

– Нет, уж вы лучше делайте взрыватель.

– Вот, вот...

Ученый написал записку управхозу и отдал ее гостю. Иван Васильевич подробно расспросил, в какой цвет красить стены в квартире, уточнил план расположения комнат и их назначение и заговорил о детях.

– Значит, дочь ваша тоже не собирается идти по стопам отца? – спросил он.

– Нет, нет. К сожалению, нет... Перед самой войной вдруг надумала в консерваторию. Музыка, музыка... Профессия отцов не увлекает. А может быть, я и сам в этом виноват. Не сумел увлечь...

– Я когда-то собирался учиться на химическом.

– Да что вы говорите! Ну и как?

– Не вышло. Жизнь распорядилась иначе. Вы, случайно, не знаете Мальцева Григория Петровича? – неожиданно спросил Иван Васильевич.

– Мальцева? Позвольте... Где-то я слышал такую фамилию.

Ученый нахмурил брови и задумался. Иван Васильевич напряженно следил за выражением его лица.

– Ах, Мальцев! – вдруг вспомнил химик. – Ну как же! Знаю, конечно. Превосходный человек. Умница. Знающий. Ну как же, как же, отлично знаю!

– И давно вы с ним знакомы?

– Нет. Познакомились перед войной. Был я в доме отдыха ученых. Вместе отдыхали и познакомились. Он москвич. Григорий Петрович Мальцев! Как же это я забыл? Очень знающий человек. Собирался ко мне в гости приехать, да война помешала.

– Он как будто в Ленинграде был в прошлом году.

– Неужели! Что же это он не зашел?

– А впрочем, я не уверен. Мне говорили, что видели его, но могли и обознаться.

– Обознались, Иван Васильевич, обознались. Он бы непременно зашел ко мне. А скорей всего, просто остановился бы. С гостиницами сейчас трудновато... А я его приглашал.

– А разве он у вас никогда не бывал? – спросил Иван Васильевич и покосился на бушлат*, висевший в углу.

– Нет. Весной сорок первого года мы познакомились в доме отдыха, и с тех пор о нем ни слуху ни духу.

– Сергей Дмитриевич, а вы отдыхали с детьми? – прямо спросил Иван Васильевич, видя, что ученый ничего не подозревает. – Я хотел узнать, видел ли Мальцев ваших детей?

– Ну что вы! Детям в доме отдыха, да еще ученых, – скука! Они у меня каждое лето в деревне у тетки жили. Она там в совхозе коровами командует. Зоотехник. Там у нее раздолье. Лес, озеро... А вы давно знаете Мальцева? – спросил Завьялов.

– Давно, – ответил Иван Васильевич. – Честно говоря, я на него сердит. Он меня как раз и отговорил химией заниматься.

– Неужели! Не похоже на него. Такой энтузиаст. Такой способный химик. У него, говорят, есть интересные работы.

– А какие именно?

– Как будто о нефти. Точно я не могу сказать.

Предположение Ивана Васильевича подтверждалось. Завьялов был нужен Тарантулу как ширма, за которую он мог прятаться. Квартира уважаемого ученого была вне подозрений, и вряд ли Тарантула стали бы там искать. Кроме того, туда могли приходить люди под различными предложениями с завода, из института, и это было бы вполне естественно.

Теперь оставалось тщательно продумать план в мелочах и заняться встречей Мальцева. Все складывалось удачно.

6. ПЛАН ПРИВОДИТСЯ В ДЕЙСТВИЕ

Временами налетал ветер, ударялся о стены домов, сворачивал, путался в улицах, кружился и хлестал мокрым снегом вперемешку с дождем. Холодные капли скатывались по щекам, текли по подбородку за воротник. Пешеходы, нахлобучив головные уборы, поднимали плечи и шли боком, подставляя ветру наиболее защищенные места.

В такую погоду немцы не стреляли.

В аптеку на Невском проспекте зашел среднего роста мужчина в брезентовом плаще и огляделся.

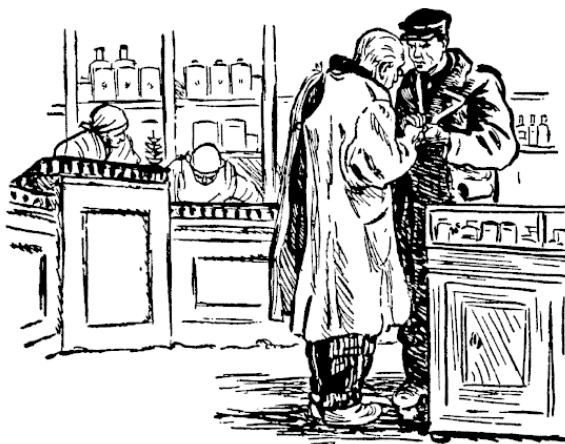
Единственное окно, оставшееся незаколоченным, пропускало немного дневного света. Возле окна стояла будочка-касса. Налево, в углу, был построен пулеметный дот*, амбразура* которого была заткнута тряпками. Прямо перед ним – шкафы и прилавок. Налево, за стеклянной перегородкой, полная женщина в белом халате писала рецепты и, закончив писать, каждый раз громко хлопала тяжелым пресс-папье*. Кассирша читала книгу.

Неторопливо сняв и стряхнув мокрую кепку, мужчина подошел к рецептару*.

– Давайте. Что у вас? – сказала женщина, протягивая руку.

– Мне нужен товарищ Шарковский.

Женщина взглянула на посетителя и молча вышла за стеклянную дверь, через которую виднелись этажерки с массой всевозможных бутылок. Скоро она вернулась и, ни слова не говоря, опять принялась писать и хлопать по столу. Мужчина ждал. Минут через пять стеклянная дверь распахнулась, и маленький старичок со множеством морщин на лице, в пенсне, стремительно выбежал к прилавку.

– Вы меня звали?

– Если вы товарищ Шарковский, то да.

– В чем дело?

– У меня к вам поручение. Григорий Петрович заболел и просил шесть порошков аспирина, – сказал спокойно посетитель.

От неожиданности Шарковский вздрогнул, но сейчас же взял себя в руки и забормотал:

– Какая неприятность! Надеюсь, ничего серьезного? Простудился, что ли?.. Такой здоровый человек... Подождите минутку.

Ждать пришлось недолго. Старичок скоро вернулся с пакетиком. Попросив у полной женщины вставочку*, он сделал на пакете надпись и прошел в конец прилавка. Мужчина подошел к нему.

– Вот здесь порошки, – сказал Шарковский тихо, передавая пакет. – Seriously он заболел?

– Числа двадцатого ноября зайдет сам, если выздоровеет, – так же тихо сказал посетитель. – Передайте ему, что письмо я отнес по старому адресу. Скажите, что все в порядке, без изменений.

– Хорошо. Вы давно в городе? – еще тише спросил старик.

– На праздники приехал.

– Пластинок не привезли?

– Каких пластинок? – не понял посетитель.

– Патефонных.

– А-а... Нет. Кроме письма, ничего.

– Как вы устроились?

– Ничего устроился. Все в порядке.

– Заходите вечером. Адрес на пакете.

– Занят я сильно. Но постараюсь. Можно идти?

– Идите, идите...

Посетитель сунул пакет в карман и неторопливо вышел из аптеки.

* * *

По набережной Невки, недалеко от Сампсониевского моста, шел в мятой шинели, без погон, молодой человек на костылях. По всему было видно, что к костылям он еще не привык и ноги переставлял неуверенно. Ему особенно доставалось от непогодицы. Снегом залепило всю правую сторону тела, но он мало обращал на это внимание.

Свернув в ворота большого, снаружи красивого дома, инвалид остановился. Весь двор был завален мусором. Он долго стоял в раздумье, не решаясь лезть на кирпичи. За спиной послышался шум. Крупная женщина со стареньким портфелем под мышкой топала ногами, отряхивая приставшую грязь.

– Чтоб им всем пусто было!.. – бормотала она, вытирая мокрое лицо ладонью. – Вы сюда, товарищ? Или от снега спрятались? – спросила она, увидев инвалида.

– Сюда. Да вот не знаю, как эти препятствия одолеть.

– А вам в какую квартиру?

– Как следует и сам не знаю. Получил ордер, так надо к управхозу сначала.

– Ага. Я управхоз. Давайте ордер.

Мария Андреевна взяла протянутый ордер, взглянула на него и обрадовалась:

– Нашелся! Мне вчера в жилотделе* сказывали. Все поджидала. Вы из госпиталя? Повремените маленько...

Она ловко перебралась по кирпичам к окну первого этажа и забарабанила кулаком по раме. Из парадной выскочила испуганная женщина невысокого роста.

– Я тут, Марья Андреевна!

– Ну-ка, помоги товарищу в тридцать третью квартиру подняться.

– Чичас!

Женщина скрылась в подъезде, но, пока управхоз добиралась до инвалида, она снова появилась в полущубке и шерстяном платке.

– У вас тут хуже, чем на фронте, – сказал инвалид. – Мало того что осколком, а еще и кирпичом, стеклом поранить может.

– И не говори! Как только от страха живая осталась.

Инвалид с улыбкой взглянул на управхоза. Чувство страха не шло к этой мощной фигуре и грубому голосу.

Подошла дворник, и они вдвоем, подхватив инвалида под руки, легко перенесли его через кучи мусора, а затем и по лестнице на третий этаж.

Здесь управхоз так же бесцеремонно забарабанила кулаком в дверь тридцать третьей квартиры.

В квартире напротив дверь была открыта, и оттуда, как пар, летела белая пыль извести.

– Тут завод квартиру ремонтирует, – пояснила управхоз. – Ваша комната в порядке. Даже одна половинка окна со стеклами.

В это время за дверью послышался шум и женский голос:

– Кто там?

– Это я, управхоз. Открывайте.

Дверь открыла немолодая худошавая женщина.

– Ну вот... Жаловалась, что без мужчин страшно, – сказала управхоз. – Вот вам и мужчина, да не простой, а герой. Инвалид Отечественной войны. Смотрите не обижайте!

– Да что вы, Мария Андреевна, как можно! У нас мужья на фронте, а вы такие слова...

– Ладно. Не каждое лыко в строку*.

Открыли запечатанную комнату. Управхоз составила акт на мебель, оставшуюся после эвакуированных, и взяла с нового жильца расписку «о временном ее хранении». Затем объяснила, как, когда и где ее можно застать, и, пожелав всего хорошего, ушла.

Инвалид остался с двумя соседками. В эти дни в Ленинграде было мало инвалидов, и для рабочих женщин, перенесших столько страданий, переселенных из другого района, потерявших родных, новый жилец явился как нельзя кстати. Доброе и жалостливое сердце русских женщин искало и нашло выход для деятельности. Не успел он оглянуться, как на столе уже стоял кипящий чайник и скромная закуска. Молодость инвалида и костыли особенно трогали женщин. Они наперебой предлагали свою помощь.

– Спасибо вам большое, но я устал и хочу спать. Вечерком поговорим, а сейчас ничего не соображаю, – сказал он, пересаживаясь на диван.

Видя, что у него, кроме шинели, ничего нет, женщины принесли подушку и одеяло, и на этом заботы до вечера кончились.

* * *

Во второй половине дня погода немного улучшилась. Ветер дул ровнее, дождь перестал, а снежинки стали легкими и, прежде чем лечь на землю и растаять, долго кружились в воздухе, выбирая себе место.

Сергей Дмитриевич Завьялов только что пообедал с дочерью и готовился к очередному опыту, когда зазвонил телефон.

– У телефона Завьялов!

– Сергей Дмитриевич, зайдите, пожалуйста, ко мне, – услышал он голос директора завода.

– Сейчас?

– Да, если можно.

Завьялов проворчал что-то насчет уплотнения рабочего дня и отправился в контору.

Директор встретил его улыбкой.

– Садитесь и не сердитесь. Вопрос очень важный. Вам придется поехать с главным инженером в Москву.

Ученый нахмурился:

– Зачем?

– С докладом в главк*.

– Вот новость! – удивился Завьялов. – Как же это так... вдруг?

– Ошибаетесь, Сергей Дмитриевич, совсем не вдруг, а дней через пять – семь.

– А как же мой взрыватель?

– Вот главным образом из-за него и поедете. Там узнаете последние новости в области нашей техники и выясните все возможности. На складе у нас все равно мало сырья.

– Это другой вопрос. Для этого мое присутствие в Москве необязательно. Существует отдел снабжения.

– Сергей Дмитриевич, ваш авторитет имеет большое значение. Если вы лично поговорите с начальником...

– Понятно... Да-а! Не ждал, не ждал.

– Вы же собирались летом в академию.

– Это все не то. Меня смущает доклад. Значит, надо готовиться.

– Что ж, время есть. Машинистку я вам дам.

Ученый погладил бородку и сделал последнюю попытку отказаться:

– Неужели без меня нельзя обойтись?

– Никак. Мы долго ломали голову, кого послать. Не хотелось вас отрывать от дела, но сами понимаете, как это сейчас важно.

– Вообще-то говоря, если прикинуть, это и неплохо, совсем неплохо, – сказал задумчиво химик. – Это верно: нельзя вариться в собственном соку столько времени. Я уже три года никуда не выезжал. Да, три года без месяца. В химии много нового – это естественно. Научная мысль работает сейчас напряженно, а печатают мало. Ну что ж, если надо, значит, надо. Придется ехать. Пишите командировку, Валерий Кузьмич. А на чем я поеду?

– На самолете.

– На самолете? Да что вы! – удивился ученый и неожиданно заключил: – Я не умею прыгать на парашюте. Ни разу не прыгал.

Директор усмехнулся.

– В сорок первом году, – сказал он, – жена мне рассказывала, как в очереди одна гражданка утверждала, что фашист на парашюте к ним на крышу спустился, посмотрел, что ему нужно было, и опять улетел. Своими глазами, говорит, видела.

Завьялов расхохотался.

– На парашюте улетел? Чудесно! Это надо ребятам рассказать.

Наметив в общих чертах план доклада и записав ряд вопросов, которые следовало «подработать» до отъезда, а потом выяснить в Москве, они расстались, довольные друг другом.

* * *

Вернувшись с задания, Трифонов поднялся к себе и позвонил начальнику.

– Товарищ подполковник, докладывает Трифонов, – сказал он, услышав знакомый голос. – Только что прибыл.

– Благополучно? – спросил Иван Васильевич.

– Как будто бы да.

– А что значит «как будто»?

– Есть тут одна непредвиденность...

– Зайдите.

На Иване Васильевиче был штатский костюм, местами перемазанный мелом. Он только что побывал на квартире Завьялова, где производился ремонт, и не успел привести себя в порядок. Звонок помощника сильно его встревожил.

Когда Трифонов вошел в кабинет и положил на стол порошки, полученные от аптекаря, Иван Васильевич отодвинул пакет в сторону.

– Ну, что у вас такое? – спросил он.

– Разрешите по порядку?

– Нет. Сначала скажите, что за «непредвиденность», как вы выразились.

– Шарковский меня спросил, не привез ли я патефонных пластинок. Я ответил, что нет. Сказал, что, кроме письма, ничего не привез.

– Ну и дальше?

– А больше ничего. Приглашал заходить вечером.

– Та-ак! – протянул Иван Васильевич. – Пластинки? Отлично помню, что о пластинках Казанков ничего не говорил. Я просматривал весь протокол. Это что-то новое. Ну а теперь садитесь и рассказывайте все по порядку.

Выслушав подробный отчет о посещении аптекаря, Иван Васильевич сверил адрес, написанный на пакете, с имеющимся у него.

– А ведь Шарковского-то мы прохлопали, товарищ Трифонов. Это матерый шпион. Я получил очень любопытные материалы...

– Да, старичок, по видимости, опытный, – согласился Трифонов.

Иван Васильевич вынул из пакета порошки, развернул один из них и понюхал.

– Аспирин, – медленно произнес он, думая о чем-то другом. – О пластинках я сам выясню. Сейчас вам нужно будет подумать о сигнализации в квартире Завьялова. Звонок не годится. Какой-нибудь спокойный гудочек... Через площадку лестницы проводить его нельзя: Мальцев может заметить.

– Разрешите предложить?

– Ну?

– Под видом старой антенны! Выведем через окно наружу, соединим на крыше, а другой конец – к Буракову.

– Н-не знаю... Посмотрите на месте. Над вторым этажом там протянуты электрические провода. Может быть, замаскировать в них? Но лучше сами посмотрите.

Трифонов внимательно слушал и наблюдал за каждым движением начальника. Он чувствовал, что все это подполковник говорит и делает механически, а голова его занята какой-то другой мыслью.

И он не ошибался. Иван Васильевич думал о самом главном, отчего зависел весь его план.

– Послушайте, товарищ Трифонов, – дружески обратился он к помощнику. – У вас нет знакомой девочки лет пятнадцати? Умной, смелой, находчивой, и хорошо бы с музыкальными способностями?

Все помощники Ивана Васильевича знали о плане своего начальника, думали о нем, обсуждали, критиковали его неоднократно, и поэтому Трифонов сразу понял вопрос.

– На место Али? – спросил он.

– Да.

– Есть одна... племянница, но она не годится, товарищ подполковник, – подумав, ответил он и сразу пояснил: – Паникерша. Чуть что – сейчас визг поднимает. Аля, как вы говорили, профессорская дочка, читала много, и все такое. А эта – нет, не подойдет! У соседки есть дочь, но чересчур болтливая. Такая тараторка! Всех заговорит.

– Н-да... такие не годятся, – согласился Иван Васильевич. – Можно, конечно, сказать, что девочка эвакуирована к тетке в деревню, но это не то. Лишний человек в квартире нам очень нужен. Алексеев по вечерам будет учиться.

– А что, если сама Аля согласится?

– Нет. Я уже думал об этом. Слишком большой риск. Отношения между ними должны быть родственные. Брат и сестра. Она будет стесняться Алексеева, и вообще они очень разные...

– Так, может быть, у него самого есть знакомая? – спросил Трифонов.

Иван Васильевич поднял голову, пристально взглянул на помощника и улыбнулся.

– Вот об этом я не подумал... Это действительно хорошая мысль. Надо узнать... До приезда Мальцева времени у нас еще много.

В это время за окном раздался вой сирены. Иван Васильевич включил репродуктор*, несколько секунд слушал этот волнующий звук, затем выдернул вилку.

– Погода прояснилась. Летят, – сказал он.

– Это какой-нибудь корректировщик*. Бомбардировщиков на нашем фронте нет, – заметил Трифонов.

– А кто их знает. Сегодня нет, а завтра могут быть...

Воздушные тревоги в сорок третьем году в Ленинграде объявлялись редко. Превосходство в воздухе полностью перешло к Советской Армии, и гитлеровцы направляли свои самолеты только в самые ответственные места фронта.

7. ЛЕНА ГАВРИЛОВА

«Ленинградскую правду» получали ежедневно, вывешивали на большом щите в раздевалке, и в свободное время возле нее всегда собирался народ.

– Приказ! Какой город, девочки? – нетерпеливо спрашивали входящие мастерицы.

– Фастов.

– А где это?

– На Украине, за Киевом.

– А большой это город? Кто знает?

– Наверно, большой. Недаром же приказ...

Лена Гаврилова стояла среди работниц и со счастливой улыбкой слушала эти разговоры. Седьмого ноября Красная Армия разгромила гитлеровские войска под Киевом и освободила столицу Украины. Сегодня Фастов... А где-то впереди – день, когда прогонят фашистов из-под Ленинграда. Каждую победу Красной Армии Лена воспринимала так, словно лично участвовала в боях за освобождение Киева, Фастова и других городов. Но разве это не так? Разве она не отдает все силы для победы? Разве она не работает наравне со взрослыми и ни в чем не уступает опытным мастерицам? За последний год она получила три благодарности, две премии...

– Гаврилова тут? – услышала она голос табельщицы* и оглянулась. – Лена, иди скорей к заведующей! Срочно вызывают.

Анна Захаровна руководила мастерской давно и отлично знала всех работниц. Знала их характеры, способности, бытовые условия, семейное положение и, прежде чем вызвать Лену Гаврилову, дала подполковнику государственной безопасности подробную характеристику девочки.

– Родных у нее в Ленинграде нет. Круглая сирота, – ровным голосом говорила она. – Отец на фронте, но никаких сведений от него нет. Неизвестно, жив ли он...

Иван Васильевич не перебивал. Со слов этой высокой, сухощавой, немолодой женщины можно было заключить, что Лена Гаврилова заслуживает доверия, но ему казалось, что заведующая любит девочку и относится к ней пристрастно.

– Я не знаю, зачем вам понадобилась Лена, – продолжала Анна Захаровна, – но должна сказать, что мне очень жаль расставаться с ней. Девочка у меня работает... Если и не лучше всех, то не уступает лучшим. Все мы относимся к ней, как к родной дочери.

– Мы ее долго не задержим, – успокоил Иван Васильевич. – К новому году она вернется обратно на работу.

– Но, может быть, вам порекомендовать кого-нибудь другого? – настаивала Анна Захаровна. – Постарше. Она же совсем ребенок...

– Нет, заменить ее невозможно.

– Мне, конечно, трудно судить... И у вас такое дело, как бы это сказать... вне всякой очереди. Вы с ней будете сами разговаривать?

– Да. От вас нужно только согласие.

В дверь постучали, и, после разрешения, в комнату вошла Лена. Она вопросительно взглянула на Анну Захаровну, посмотрела на незнакомого мужчину и встретилась с пристальным, изучающим взглядом.

– Вы меня звали, Анна Захаровна? – опустив глаза, тихо спросила Лена.

– Да. Садись вот на этот стул и не смущайся.

Лена подошла к указанному стулу, села, поправила платье, все время чувствуя на себе пыливый взгляд мужчины. «Чего ему надо? Кто он такой?» – подумала она, не решаясь поднять глаза.

– Леночка, тебе хотят поручить серьезное и ответственное дело, – каким-то необычно строгим тоном произнесла Анна Захаровна. – Если ты способна... если ты справишься и согласна взять на себя такую ответственность... – Она остановилась и со вздохом закончила: – Я ничего не имею против.

– Какое дело, Анна Захаровна?

– Об этом ты поговоришь с Иваном Васильевичем. Ну а я вас пока оставлю...

Она встала и, погладив девочку по голове, вышла из комнаты.

– Давайте познакомимся, Лена, – сказал мужчина, поднимаясь и протягивая ей руку. – Зовут меня Иван Васильевич, ну а вы можете называть меня дядя Ваня.

Лена подняла глаза, и все ее смущение исчезло. Перед ней был совсем другой человек. Приветливая улыбка, доброе выражение глаз, седые виски – все это располагало к себе. Она невольно улыбнулась в ответ, встала и подала руку.

– Скажу вам по секрету, что у нас есть один общий знакомый... даже друг. Я, во всяком случае, считаю его своим другом. Думаю, что и вы с ним дружите.

– А кто?

– Это секрет. Вам можно доверять секреты? – лукаво спросил Иван Васильевич.

– Конечно, можно.

– Ну а если вы подругам разболтаете?

– Нет... Я не люблю болтать, – просто сказала девочка. – Но если вы боитесь, то лучше не говорите.

– А разве вам не интересно?

– Конечно, интересно, но что же делать? Вдруг на самом деле разболтаю, – с сожалением призналась Лена.

Иван Васильевич засмеялся и пересел на стул рядом.

– Это хорошо, что вы так откровенно... Я приготовил для вас много всяких секретов, и нам нужно договориться. Анна Захаровна говорила мне, что вы патриотка, много работаете для победы, любите свою работу... Думаю, что вы нас не подведете и никому не проболтаетесь. Так?

– Конечно. Зачем же я буду говорить, если нельзя?

Иван Васильевич был в затруднении. По работе ему никогда не приходилось иметь дело с девочками, но почему-то он считал, что все они любопытны, болтливы и не могут хранить тайны. Лена ему нравилась. Все движения были сдержанны, и она казалась серьезной, неглупой девочкой.

– Мишу Алексева вы знаете? – неожиданно спросил он.

На лице Лены появилась краска смущения, но она не опустила глаз.

– Да. Мы с ним знакомы, – серьезно ответила она.

– А как вы к нему относитесь?

– Обыкновенно, – еще больше краснея, сказала Лена.

– А мне казалось, что вы друзья.

– В общем, да. Он хороший мальчик...

Иван Васильевич видел, что Лена сильно смутилась, и, чем пытливее, чем пристальнее он смотрел, тем ярче пылало ее лицо, глаза становились влажными. Казалось, еще немного – и она расплчется. Он вспомнил, что и Миша смутился не меньше, когда он попросил его назвать знакомую девочку, которой доверяет.

– Видите ли, в чем дело, Лена, – сказал Иван Васильевич после некоторого раздумья. – Мише Алексеву мы поручили одно серьезное и ответственное дело. Буду говорить откровенно: опасное дело. Ему нужен помощник, вернее, помощница. Именно поэтому я и решил обратиться к вам с просьбой... Вы меня понимаете?

По мере того как Иван Васильевич говорил, смущение исчезало, румянец на лице девочки таял, брови хмурились.

– Вы думаете, что я могу? – тревожно спросила она. – Конечно, я с радостью... но вдруг я не сумею?

– Особого умения тут не требуется. Нужна воля к победе, выдержка, немного хитрости, а главное – желание.

– А кто вы такой? Вы из военных?

Иван Васильевич насторожился. Сюда он пришел в штатской одежде и одевался, как всегда, очень тщательно. Ботинки, костюм, пальто, кепка... Почему же девочка задала ему такой вопрос и почему в тоне ее была уверенность?

– А из чего вы заключили, что я военный? – спросил он. – Разве я похож на военного?

– Нет, но, наверно, вы были раньше военным, – с улыбкой ответила она.

– Но почему вы так думаете?

– Потому что вы... Недавно к нам приезжали офицеры на праздник. У нас было торжественное заседание. Вот и вы держите свою кепку так же, как они – фуражки...

Иван Васильевич взглянул на свою кепку, которую держал за козырек на полусогнутом локте руки, и расхохотался. Привычка взяла свое, и это не ускользнуло от внимания девочки.

– Какая вы наблюдательная, Леночка! – похвалил он. – Это очень хорошее качество. Великолепное качество! Да, вы не ошиблись: я действительно военный.

Теперь все сомнения исчезли. Иван Васильевич решил, что Лена Гаврилова очень подходит для задуманной операции и безусловно справится с задачей. Оставалось как можно проще и подробнее рассказать, какая помощь от нее нужна, и получить согласие.

8. КАРАТЫГИН

Майор государственной безопасности Каратыгин Константин Потапыч вернулся с фронта. Доложив начальнику о результатах поездки, он спустился в свой кабинет и занялся разборкой документов. Через несколько минут в дверь постучали.

– Кто там еще? Влезайте! – сердито крикнул он, но, увидев вошедшего, приветливо улыбнулся. – Ты что, Иван? Соскучился?

– Соскучился, Костя, – сказал Иван Васильевич, крепко пожимая руку своего старого друга. – Беспокоился. Долго ты...

– Ничего не поделаешь. Такой клубок запутали. Провокацией занимаются, мерзавцы. И так бесцеремонно... Чувствуют, что скоро им конец. Начинают кричать «капут»*... Откуда они это словечко подцепили? «Гитлер капут!» – передразнил он кого-то. – Ну а у тебя как?

– У меня? – переспросил Иван Васильевич, усаживаясь в кресло. – У меня серьезное дело. Готовлю встречу. Послушай, Костя, ты ведь когда-то был педагогом? – неожиданно обратился он к майору.

– Ну что ты выдумал, какой я педагог!

– Ты же сам рассказывал.

– По приказу Дзержинского работал в колонии с правонарушителями*. Но когда это было!

– Все равно...

– Что значит – все равно? Зачем это тебе понадобилось? – подозрительно спросил майор.

– Хочу тебя просить...

– Сгинь, сгинь, Иван! – перебил его Каратыгин. – И слушать ничего не хочу! Мне приказано в баню, затем побреюсь – и спать. Двое суток буду спать. Устал я, голубчик.

Иван Васильевич спокойно выслушал протест и невозмутимо продолжал:

– Вот, вот... Я как раз и хочу предложить тебе дня два отдохнуть. В баню сходишь, отоспишься и все, что хочешь... В семейной обстановке, с хорошими ребятами.

– Не уговаривай, пожалуйста. Знаю я твой отдых! У меня и своих дел по горло.

– Подожди, Костя. Сначала послушай. Я убежден, что моя просьба тебя устроит.

– Да ты посмотри, на кого я похож!

– Вид у тебя великолепный! Как раз то, что нужно. Небритый, грязный, глаза осоловевшие... Просто залюбуешься!

Все это Иван Васильевич сказал с таким восторгом, что майор не выдержал и засмеялся.

– Ну ладно. Не издевайся. Говори, что у тебя, – согласился он, но сейчас же предупредил: – Но имей в виду, если это действительно отдых, как ты заявил...

– Да, да. Это отдых, Костя. Вот послушай. На празднике пограничники перехватили одного растратчика, выпущенного гитлеровцами из тюрьмы и завербованного. Перебросили его к нам по заливу...

Иван Васильевич подробно рассказал другу о задержании Казанкова, о его допросе, о письме, о Завьялове и перешел к изложению плана.

– Тарантул – это кличка. Мальцев не настоящая фамилия. Нам уже не первый раз приходится с ним встречаться. Думаю, что участок Ленинградского фронта – его специальность, и готовился он к этому давно. Помнишь, в позапрошлом году дело с ракетчиками? «Круг однорукого»? Мы тогда большую группу выловили...

– Ну, ну...

– Затем, в прошлом году, дело с аммиаком. Это все он, Тарантул. Сын его погиб. Помнишь, с крыши сорвался!

– Ты думаешь, сын?

– Да. Теперь это точно установили.

– Значит, до войны он жил в Ленинграде, – задумчиво произнес Каратыгин.

– Ну ясно. Теперь я выяснил, где он раньше работал. Он химик... Слушай дальше. Завьялова мы помогли отправить в командировку, квартиру его отремонтировали, и вчера там поселились Миша Алексеев и одна девочка. Они под видом детей профессора встретят Мальцева.

– У-у... – протянул Каратыгин. – Это, знаешь, рискованный план.

– Плохой?

– Не-ет... Этого я не сказал. План смелый, но рискованный. Тарантулом его прозвали не случайно. Надо думать, что он не дурак. Недооценивать врага не годится, Ваня.

– Переоценивать и бояться тоже не следует.

– Все это так... Ну а что ты от меня хочешь? – спросил майор.

– Мальцев должен приехать дней через пять. За аптекарем мы следим... Я хочу, чтобы ты, пока есть время, пожил бы с ребятами вместо Мальцева. Выспишься, отдохнешь...

– Зачем это?

– Надо, во-первых, испытать их и подготовить, затем снять психологическую напряженность. Ты, как педагог, должен понимать, как они себя чувствуют. Они как туго натянутые струны сейчас. Я, конечно, поработал с ними... как умел. Но прорепетировать, устроить маленький экзамен необходимо. Посмотреть, справятся ли они. Еще не поздно. Можно и отказаться от этого плана. За Алексеева я почти спокоен. Он бывал в серьезных переплетах, а вот девочка... не знаю.

Каратыгин задумался. Он понял, что волнует Ивана Васильевича, понял, почему тот обратился именно к нему и что отказать в такой просьбе нельзя.

– Та-ак... – протянул он. – Значит, ты хочешь, чтобы я превратился в паукообразное насекомое. Ну что ж... Дело серьезное. Надо соглашаться. Пойдем к начальству.

9. ГОСТЬ

В квартире профессора Завьялова четыре комнаты, ванная, кухня, большая прихожая. Утром и вечером Миша с Леной топят все печи, подолгу держат открытыми форточки, но сырость запущенного жилья прочно держится. После ремонта пахнет краской, клеем и еще чем-то острым, неприятным, отчего щекочет в горле и болит голова.

Миша, затопив печи, ушел в свою комнату готовить уроки. Лена вымыла посуду, убрала в буфет и взялась за тряпку. Не считая запахов, вид у квартиры был вполне жилой. Полы и окна вымыты, мебель расставлена по местам, картины повешены, оставшиеся и сваленные в кучу книги разложены на полках, но девочка никак не может успокоиться. Ей все время кажется, что следы недавнего ремонта слишком бросаются в глаза и где-то есть недоделки, непорядок.

Она должна чувствовать себя здесь хозяйкой. Об этом говорил ей Иван Васильевич, при всяком удобном случае напоминает Миша, и Лена добросовестно старается быть хозяйкой. А все-таки какая она хозяйка? На два месяца... У Лены отдельная комната. В старомодном комодке она нашла много всевозможных безделушек: коробочки, статуэтки, флаконы, ленты, открытки, вырезанные из журналов картинки и старенькую куклу. Лицо у куклы перемазано, волосы отклеиваются, но одета она очень тщательно, и у лифчика даже есть маленькие подвязочки, пристегнутые к чулкам. Наверно, это любимая кукла настоящей хозяйки, какой-то неизвестной ей Али, имя которой сейчас она носит. Нет, почувствовать себя по-настоящему хозяйкой Лена при всем своем старании не может.

Засучив рукава, девочка отправилась в самую большую комнату, так называемую гостиную. Гостиная... Название говорит само за себя. Раньше сюда приходили гости. В гостиной висит телефон, стоит пианино, а значит, можно петь, танцевать, и, наверно, до войны здесь бывало очень весело.

В печке звонко щелкали распиленные и расколотые доски. Раньше Лена думала, что так «стреляют» только сырые дрова, но Миша объяснил, что это неверно. Щелкают еловые дрова.

Возле окна замаскирован сигнал. Обыкновенная электрическая розетка. Рядом болтается шнур от шторы. На конце шнура кисточка, а в ней несколько проволоочек. Если эту кисточку воткнуть в одно из углублений розетки, в соседней квартире загудит сигнал. Лена знает, что там живет человек, который по сигналу немедленно придет на помощь, но кто он такой и как выглядит, этого она не знает. Вчера к ним заходил сосед, живущий напротив, и просил одолжить коробку спичек. Миша с ним знаком, и Лена в этом нисколько не сомневается. Они поздоровались за руку и улыбнулись друг другу, как старые знакомые. Если это тот человек, то как он может помочь, когда сам инвалид и ходит при помощи костылей?

Строго, придирчиво Лена оглядела всю комнату и, конечно, увидела то, что искала. Маленькая люстра, висевшая посередине, была перемазана мелом.

– Вот, извольте радоваться, никто не заметил! – проворчала она и, открыв дверь, звонко крикнула: – Миша! Миша! Иди-ка сюда!

Когда Миша вошел, Лена сразу заметила, что он чем-то недоволен, но не придала этому никакого значения.

– Полюбуйся, пожалуйста! – сказала она, показывая рукой на люстру. – Видишь? Вся перемазана. Я даже не знаю, как ее достать. Как ты думаешь?

Миша молчал и с упреком смотрел на девочку.

– Если на тумбочку поставить стул? А? Миша! – продолжала спрашивать Лена, но, споткнувшись на последнем слове, вдруг замолчала и сильно покраснела.

– Я не понимаю. Неужели это так трудно? – строго сказал Миша. – Почему, например, я уже привык. Почему я тебя не называю Леной? А? Ни разу...

– Извини, Коля. Я больше не буду.

– Ты мне уже третий раз это говоришь.

– Третий, и последний, – с виноватой улыбкой сказала Лена. – Даю слово. Не могу сразу привыкнуть...

Она отошла к окну и несколько раз провела тряпкой по стеклу.

– Если ты при Мальцеве назовешь меня Мишей... Ты понимаешь, что может случиться? Это же провал всей операции, – назидательно продолжал Миша.

– При нем я не забуду.

– Я думаю, что ты, Аля, еще не совсем ясно представляешь всю ответственность. От нас зависит очень многое. Может быть, освобождение Ленинграда.

– Ну что ты, Коля! – недоверчиво пробормотала девочка. – Ты преувеличиваешь.

– Вот, вот... Я и говорю, что ты не понимаешь. Ты думаешь, что это все игрушки.

– Ну хорошо. Не сердись. Я же тебе дала слово. Нет больше Миши! Миша пропал без вести. Остался один Коля. Коля, Коля, Николай, Коля, Коля, Коля, – твердила она до тех пор, пока складка на Мишиной переносице не разгладилась. – А знаешь, почему ты ни разу не ошибся? Хочешь, скажу?

– Ну?

– У тебя есть сестренка Оля. Аля и Оля очень похожие имена. Ты все время думаешь про сестренку и говоришь Аля. Правда? А у меня даже знакомого мальчика с похожим именем нет. Хотя бы какой-нибудь Толя. И брата нет... – со вздохом закончила она и, взмахнув тряпкой, совсем другим тоном проговорила: – Всё! За работу! Помоги мне, пожалуйста, Коля. Сюда тумбочку.

– Сестренка у меня не Оля, а Люся. Дело не в ней – просто надо быть серьезнее.

Миша поставил тумбочку под люстру и принес из кухни табуретку.

– Давай тряпку. Ты свалишься.

– Нет, нет!.. Это не мужское дело, – запротестовала Лена. – Не мешай, пожалуйста.

Она проворно залезла сначала на табуретку, затем на тумбочку, но в это время послышался короткий звонок.

– Кто-то пришел...

– Сосед? – шепотом спросила Лена.

– Нет, наверное, это знаешь кто... Ты подожди, – предупредил Миша и отправился в прихожую.

С Бураковым они условились, что тот будет давать один длинный и один короткий звонок, а значит, это был не Бураков. Может быть, Иван Васильевич?

Распахнув дверь, юноша увидел на площадке лестницы невысокого широкоплечего мужчину с чемоданом. Когда Миша встретился с внимательным взглядом усталых глаз и разглядел седоватую щетину на щеках пришедшего, сердце его на какой-то момент замерло.

– Вам кого? – глухо спросил он.

– Если не ошибаюсь, Коля Завьялов? – спросил с улыбкой мужчина.

– Да.

– Вот и отлично. Мы с вами знакомы. Папа ваш дома?

– Нет. Папа в командировке в Москве.

– Да что вы говорите! – удивился мужчина. – Неожидаемость... Я намерен... Как же быть? А давно он уехал?

– Позавчера.

– И надолго?

– Нет... Я думаю, что если не задержат, то через неделю вернется... А зачем вам папа? Вы с завода?

– Нет. Я тоже приехал в командировку. Вы не знаете, Коля, мое письмо он получил?

– Вы Григорий Петрович Мальцев?

– Совершенно точно.

На лице Миши появилось что-то вроде улыбки.

– Папа нас предупредил... Он просил извиниться, что так получилось. Его вызвали по очень важному делу... Проходите, пожалуйста, – как можно любезнее сказал он и, когда гость вошел в прихожую, громко крикнул: – Аля! Приехал Григорий Петрович!

Первые минуты самые опасные. Закрывая за гостем дверь, Миша с тревогой думал о том, как девочка встретится со шпионом. Он был уверен, что в дальнейшем Лена освоится и будет вести себя естественно, но сейчас может растеряться.

– Аля? – спросил Григорий Петрович, когда в дверях комнаты появилась Лена.

– Да.

– Э-э! Да вы уже взрослая! Со слов Сергея Дмитриевича, я представлял вас маленькой... Очень рад! Давайте руку. С вашим папой мы старые друзья.

– А он говорил, что вы познакомились в доме отдыха и больше никогда не встречались, – с детской наивностью сказала Лена и этим явно смутила гостя.

– Точно, точно. Я имел в виду наш стариковский возраст.

– Раздевайтесь, пожалуйста, проходите. Там ваша комната. Вы, наверно, с дороги устали.

– Да, признаться. Я бы хотел привести себя в порядок. Скажите, друзья мои, как в Ленинграде с баней?

– У нас ванна. Можно затопить.

– Ванна – это не для меня. Я люблю в бане попариться.

– Баня работает, – сказал Миша. – Могу вас проводить. Я сейчас пойду в училище.

– Чудесно! Великолепно! Помыться, побриться, а потом спать. Две ночи я не спал, друзья мои. Трудно к вам в Ленинград добираться.

– А вы на самолете прилетели? – спросила Лена.

– Нет, Алечка. Я на поезде ехал. Опасный путь. Два раза под бомбежку попадал.

Когда гость снял пальто и повесил его на вешалку, Лена прошла в конец прихожей и распахнула дверь в комнату.

– Проходите, пожалуйста, вот сюда. Комната не очень светлая, но хорошая.

– У вас был ремонт? – спросил Григорий Петрович, проходя за ней в комнату и оглядываясь.

– А что?

– Краской пахнет.

– Да. Какая-то краска противная. Запах такой ядовитый, никак не выветривается. Вы, пожалуйста, не стесняйтесь, Григорий Петрович. Если вам что-нибудь нужно, скажите.

– Спасибо, Алечка. Сейчас мне решительно ничего не нужно. Я ужасно хочу спать.

– А вы разве кушать не будете после бани?

– Ах да! Простите меня, – спохватился Мальцев. Открыв чемодан, он вытащил белье, полотенце, мыло, папку с бумагами, книги и положил все на кровать. – Вот... А это все в общий котел, – сказал он, отодвигая чемодан с оставшимися там пакетами. – Я обещал Сергею Дмитриевичу захватить продуктов. Забирайте, Алечка, и распоряжайтесь по своему усмотрению. У вас домработница есть?

– Ну что вы! Какая сейчас домработница!

– Кто же у вас ведет хозяйство?

– Я.

– Вы, дочь профессора?

– Ну так что? Вы думаете, что у профессоров все дочери – белоручки? Ничего подобного.

– Тем лучше, – с улыбкой сказал гость. – Маленькая хозяйка большой квартиры.

– Извините, но я не такая уж маленькая. А потом не забывайте, какое сейчас время...

И, словно в подтверждение ее слов, дом вздрогнул, и сразу раздался глухой разрыв снаряда.

– Вот... Обстрел!

Некоторое время они молча стояли, ожидая новых ударов. Один за другим разорвались где-то поблизости еще два снаряда. Остальные полетели дальше. Свистящий, рокошущий звук снарядов был слышен ясно, но разрывы доносились совсем слабо.

В дверях показался Миша. Он был уже в бушлате, форменной фуражке, с портфелем.

– Я готов, Григорий Петрович.

– А вы не боитесь, Коля? Стреляют.

– А чего бояться? Стреляют по Выборгской, а нам в другую сторону, – сказал Миша, вопросительно глядя на раскрытый чемодан, где лежали пакеты, кулечки, банки.

– Григорий Петрович продуктов привез, – пояснила Лена.

– Всякое даяние благо, – весело проговорил гость и, захватив сверток с бельем и мылом, подошел к Мише. – Ну что ж, если моряк говорит, что опасности нет, я спокоен. Вы народ обстрелянный. Пошли!

На площадке лестницы второго этажа Миша остановился.

– Забыл!.. Вы идите, Григорий Петрович, я догоню! – сказал он и, прыгая через две ступеньки, помчался обратно.

Лена стояла в дверях квартиры и, прислушиваясь к удаляющимся шагам, думала о том, что теперь делать. Девочке казалось, что она должна как-то действовать. Действовать быстро, решительно. Пока гость в бане, необходимо сообщить о его приезде Ивану Васильевичу. Но как? Может быть, вызвать сигналом соседа-инвалида? Но их предупреждали, что пользоваться сигналом можно только в случае крайней необходимости или опасности.

Неожиданное появление Миши испугало. Лена попятилась. Закрыв за собой дверь, Миша схватил ее за локоть и торопливо зашептал:

– Молодец, Леночка! Позвони сейчас по телефону дяде Ване. Или лучше вызови Буракова... этим... как его?.. кисточкой... и скажи, что он приехал. Вот. А я постараюсь вернуться скорей. Ну, надеюсь на тебя...

– Подожди, Коля. А как ты меня сейчас назвал?

– Как?

– Вспомни-ка. Меня ругаешь, а сам...

– Ну как я назвал? – с досадой спросил Миша.

– Ты сказал «молодец, Леночка».

– Ну ладно, не придирайся. Я же тихо... Значит, поняла? Ну всё. Я пошел!
Миша крепко пожал руку своей мнимой сестре и выбежал на лестницу.

10. СТРАННЫЙ РАЗГОВОР

Обстрел района прекратился, но канонада, похожая на раскаты грома, все нарастала.

– Сильно стреляют, – заметил гость.

– Артиллерийская дуэль, – пояснил Миша. – Во как! Теперь фашистам туго. Наши им дают перцу.

Приехавший взял узелок в другую руку, искоса взглянул на юношу и, как ему показалось, улыбнулся.

«Не понравился перец-то», – подумал Миша.

На улицах было пустынно. Изредка встречались одинокие пешеходы, да кое-где под воротами стояли дежурные МПВО, прислушиваясь к артиллерийской перестрелке.

«Ученый! – думал Миша, стараясь не забегать вперед. – Сразу видно, что липа*».

– Коля, а домой вы возвращаетесь поздно? – неожиданно спросил гость.

Миша насторожился. «С какой целью он задает такой вопрос и что ему ответить? Запутать или сказать правду?»

– А это по-разному... Иногда задерживают, а когда и пораньше прихожу.

– Разве у вас нет расписания?

– Расписание-то есть, но бывают практические занятия.

– А почему вы выбрали такую специальность, морскую? – снова спросил гость. – Отец у вас ученый, химик, а вы кем будете? Штурманом?

– Я буду механиком, – твердо сказал Миша.

– Тем более... Вы любите технику?

– Да.

– Ну а как к этому относится Сергей Дмитриевич?

– А ему что... – пробормотал Миша. – Я же не маленький.

– Ну все-таки. С мнением отца следует считаться, – продолжал гость назидательно. – Он старше, а значит, опытнее. Выбор профессии в наше время имеет громадное значение... Много молодых людей калечат себе жизнь из-за этого... Да и не только себе. Способностей, скажем, для научной работы нет, а лезет в аспирантуру... Ему бы токарем работать...

– По хлебу, – подсказал Миша.

– Как это по хлебу? – спросил гость.

– Есть у нас такая поговорка, – пояснил Миша. – Токарь по хлебу... Ну, значит, лодырь. Только и делает, что жует.

– А-а! Да, да... Странно, что до сих пор у нас сохранилось стремление искать профессию полегче и повыгодней, так называемое теплое местечко.

Миша слушал с удивлением. С одной стороны, он знал, что это враг, и к каждому его слову относился с недоверием, а с другой стороны, понимал, что Малышев высказывает дельные мысли, и в душе не мог не соглашаться с ним.

– Есть у меня один знакомый, – продолжал между тем гость. – Здоровый парнишка, сильный, но туповатый. Зовут его Вася. Ему бы молотобойцем работать или бревна таскать, а он пошел в науку. Почему? Да потому, что так родные за него решили. Профессия эта почетная, выгодная и вроде как нетрудная. А надо сказать, что Вася был не только туповат, но и ленив. Тянули его за уши из класса в класс все: и мать, и старший брат, и знакомые... Вытянули. А потом в институт. В те годы в институт легко было поступать. Студентов не хватало... Женили его на умной и дельной женщине. Она за него потом и диссертацию написала. И вот появился ученый, на горе себе и всем окружающим. Делать он ничего, конечно, не делает, да и не может делать, но мнения о себе высокого. И никак ему теперь не доказать, что в науке он болтается зря, что ему надо менять профессию, пока еще не поздно...

Рассказ Мальцева совершенно не трогал Мишу. Сам он в науку не собирался, профессию выбрал по душе и был уверен, что из него выйдет хороший механик. Непонятно только было, зачем Мальцев говорит об этом.

– Григорий Петрович, а где он сейчас? – спросил Миша и, видя, что тот не понял вопроса, прибавил: – Вася-то где сейчас? На фронте, наверно?

– К сожалению, нет. Живет в Ленинграде, – ответил гость, останавливаясь у входа в баню. – Как будто пришли. Здесь?

– Здесь. А обратно вы дорогу найдете, Григорий Петрович? – спросил Миша.

– Да уж как-нибудь... А вы, значит, в училище?

– Да.

– Ну, ну... В такое героическое время учиться под обстрелами... Потом гордиться будете.

Как только Мальцев скрылся за дверью, Миша крупно зашагал назад. До начала занятия осталось времени немного, но он должен был вернуться и позвонить Ивану Васильевичу. У него важные сведения. В Ленинграде живет и работает какой-то ученый-дурак Вася. Старый знакомый Мальцева. «Ученый-дурак». Как-то не вязались эти понятия. До сих пор Миша думал иначе. Правда, ему никогда не приходилось иметь дело с настоящими учеными, и об этом он предупредил Ивана Васильевича, когда узнал, что должен изображать профессорского сына. Иван Васильевич разъяснил, что ученые ничем не отличаются от самых обыкновенных людей, что в Ленинграде они встречаются часто, и, конечно, Миша видел их много раз в трамваях, на улице, не подозревая, что это какой-нибудь профессор или доктор наук. Миша не сразу согласился. Он вспомнил об одной встрече. Весной он с Васькой Кожухом ходил покупать рассаду для огорода в Ботанический институт и там встретил, как ему сказали, кандидата наук. «Вот профессор так профессор! За десять километров видно! – рассказывал он Ивану Васильевичу. – Волосы нестриженные, думает медленно, а ходит важно, как гусь. Увидел нас с Васькой, подошел и по плечу похлопал. „Что, – говорит, – молодые люди, за капустой пришли?“ – „Да, – говорю, – за рассадой“. – „А как, – говорит, – капуста по-латыни называется?“ А мы что... Мы же не знаем...»

Мишин рассказ развеселил Ивана Васильевича, но он уверил, что это был не ученый, а какой-нибудь завхоз*, который и выдавал себя за кандидата наук. Настоящие ученые не важничают. Чем больше ученый, тем он умнее, а значит, проще.

Рассказ Мальцева о глупом Василии окончательно сбил Мишу с толку, и он потерял всякое представление об ученых. Какие же они бывают на самом деле? Но только не такие, как Мальцев. В этом сразу можно угадать шпиона.

Одним духом взбежал Миша по лестнице и позвонил. Дверь открыла Лена.

– А мы знали, что ты вернешься, – с улыбкой сказала она.

– Мы? – удивился Миша, но сейчас же сообразил и кивнул на противоположную дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.